

Учен 73284
h 06

**ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XIX ВѢКА**

СТАЛИНГРАДСКАЯ
Областная библиотека
им. Горького

Под редакцією
Д. П. Овсяннико-
Куликовскаго

Т. 0. М. 2
МОСКВА
ИЗД. П. М. М. П.
1910

РЕД. Ф.

И С Т О Р І Я
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XIX В.

подъ редакціей

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО,

при ближайшемъ участіи

А. Е. ГРУЗИНСКАГО и П. Н. САКУЛИНА.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. Н. ОВСЯНИКО - КУЛИКОВСКАГО.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

А. Е. Грузинскаго и П. Н. Сакулина.

Сотрудники: Ю. И. Айхенвальдъ, К. И. Арабажинъ, Г. В. Балицкій, Ф. Д. Батюшковъ, В. Брюсовъ, Н. Л. Бродскій, С. А. Венгеровъ, А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, Ч. Вѣтринскій, А. Г. Горнфельдъ, А. Е. Грузинскій, А. А. Дивильковскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, В. В. Каллашъ, Н. И. Коробка, В. Г. Короленко, А. А. Корниловъ, В. П. Крайфельдъ, Н. О. Лернеръ, Е. А. Ляцкій, Б. А. Маркевичъ, Л. Мартовъ, Н. М. Мендельсонъ, М. Невѣдомскій, Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Н. К. Пиксановъ, Г. В. Плехановъ, Н. С. Русановъ (Н. Кудринъ), С. Ф. Русова, В. Ф. Саводникъ, П. Н. Сакулинъ, В. И. Стражевъ, В. Е. Чехихинъ, Н. А. Янчукъ, А. И. Яцимирскій и др.

Томъ II.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.

МОСКВА.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

(1810—1848).

Г. В. Плеханова.

1.

Жизнь Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго не богата внѣшними событіями. По своему происхожденію онъ былъ настоящимъ „разночинцемъ“. Его отецъ служилъ лѣкаремъ сначала въ Балтійскомъ флотѣ, а потомъ, на своей родинѣ, въ г. Чембарѣ. Виссаріонъ Григорьевичъ родился въ 1810 г. (до сихъ поръ не выяснено, въ февралѣ или въ маѣ) въ Свеаборгѣ, гдѣ стоялъ тогда флотскій экипажъ, въ которомъ служилъ его отецъ. Дѣтскіе и отроческіе годы его протекли въ Чембарѣ и въ Пензѣ. Они оставили въ его душѣ мало отрадныхъ впечатлѣній. Его отецъ запивалъ, а его мать была, повидимому, довольно ограниченной, сварливой женщиной. Матеріальное положеніе семьи всегда было очень стѣсненнымъ. Но у отца Бѣлинскаго были также несомнѣнные достоинства. По своему образованію онъ рѣзко выдѣлялся изъ окружавшей его среды чиновниковъ, съ которыми у него были постоянныя непріятности. Его родственникъ, Д. П. Ивановъ, думаетъ, что его рассказы о чиновничьихъ плутняхъ сильно дѣйствовали на маленькаго Виссаріона. Кромѣ прелестей чиновничьяго быта, Бѣлинскій рано могъ наблюдать также и темныя стороны барства. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что ужасы крѣпостного права оставили глубокой слѣдъ въ его душѣ. Учился онъ сначала въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ пензенской гимназіи, куда онъ опредѣлился лѣтомъ 1825 г.; наконецъ, въ московскомъ университетѣ, студентомъ котораго онъ сталъ осенью 1829 г. Но школьное преподаваніе какъ низшее и среднее, такъ и высшее, было тогда очень неудовлетворительно, и если Бѣлинскій тѣмъ не менѣе обладалъ не малыми знаніями, по крайней мѣрѣ литературными, то этимъ онъ обязанъ былъ прежде всего самому себѣ и еще нѣкоторымъ счастливымъ жизненнымъ встрѣчамъ. Бывшій учитель пензенской гимназіи, Поповъ, писалъ о немъ: „Въ гимназіи онъ учился не столько въ классахъ, сколько изъ книгъ и разговоровъ.“

Такъ было и въ университетѣ. Всѣ познанія его сложились изъ русскихъ журналовъ, не старѣе двадцатыхъ годовъ, и изъ русскихъ же книгъ. Недостающее же въ томъ пополнилось тѣмъ, что онъ слышалъ въ бесѣдахъ съ друзьями. Вѣрно, что въ Москвѣ умный Станкевичъ имѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей. Думаю, что для Бѣлинскаго онъ былъ полезнѣе университета. Сдѣлавшись литераторомъ, Бѣлинскій постоянно находился между небольшимъ кружкомъ людей если не глубоко ученыхъ, то такихъ, въ кругу которыхъ обращались всѣ современныя, живыя и любопытныя свѣдѣнія. Эти люди, большею частью молодые, кипѣли жаждой познаній, добра и чести. Почти всѣ они, зная иностранныя языки, читали столько же иностранныя, сколько и русскіе книги и журналы... Въ этой-то школѣ Бѣлинскій оказалъ огромныя успѣхи“.

Съ этимъ вполне согласны свидѣтельства кн. В. Ѳ. Одоевскаго: „У насъ Бѣлинскому учиться было негдѣ,—говоритъ онъ,—рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость большей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе; нелѣпныя преслѣдованія, неизвѣстно за что, развили въ немъ желчь, которая примѣшалась въ его своебытное философское развитіе и довела его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ“.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о „желчной“ силлогистикѣ, прибавимъ, что Бѣлинскій былъ избавленъ отъ удовольствія до конца насладиться „рутинизмомъ нашихъ университетовъ“: въ сентябрѣ 1832 года онъ былъ исключенъ изъ университета за „неспособность“. На самомъ дѣлѣ причиной его исключенія была написанная имъ трагедія „Дмитрій Калининъ“, одинъ изъ героевъ которой обращался къ „Отцу челоуѣковъ“ съ дерзостнымъ запросомъ насчетъ „зміевъ, крокодиловъ и тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ“ (рѣчь шла о крѣпостномъ правѣ). Въ цензурномъ комитетѣ засѣдали въ то время университетскіе профессора, тотчасъ же взявшіе молодого автора, какъ говорится, на замѣчаніе. Трагедія была представлена въ цензуру въ 1831 году, а въ половинѣ 1832 года уже состоялось его исключеніе. Самъ Бѣлинскій опредѣлялъ причину исключенія такъ: „отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудренныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень не рѣдки...“

Бѣдность преслѣдовала Бѣлинскаго всю жизнь. Она окончательно подломила его всегда слабое здоровье и свела его въ безвременную могилу. Она же подшутила надъ нимъ еще болѣе злую шутку, осудивъ его на тяжелую борьбу за жизнь и тѣмъ лишивъ его возможности систематически пополнить пробѣлы своего образованія. Это послѣднее обстоятельство поставило его въ не совсѣмъ правильныя отношенія къ членамъ того кружка, о которомъ говоритъ Поповъ въ цитатѣ, сдѣланной нами выше, и который имѣлъ рѣши-

тельное вліяніе на ходъ его умственнаго развитія. Этотъ кружокъ— знаменитый кружокъ Станкевича, гдѣ со времени отъѣзда этого послѣдняго осенью 1837 года за границу игралъ чрезвычайно видную роль М. А. Бакунинъ—состоялъ по большей части изъ людей, обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи и съ дѣтства хорошо владѣвшихъ иностранными языками. Бѣлинскій, читавшій по-французски, но не знавшій ни англійскаго, ни нѣмецкаго языка, по необходимости долженъ былъ стать по отношенію къ своимъ друзьямъ въ неудобное положеніе человѣка, пользующагося ихъ посредствомъ для своего ознакомленія съ иностранными литературными и философскими источниками. Намъ кажется, что историки нашей литературы до сихъ поръ не обратили на невыгодность этого положенія всего того вниманія, какого оно заслуживаетъ. Мы кратко характеризуемъ ее, сказавъ, что она иногда ставила Бѣлинскаго въ положеніе ученика такихъ людей, которые далеко уступали ему по своей умственной силѣ.

Это замѣчаніе во всякомъ случаѣ относится къ М. А. Бакунину, который послѣ Станкевича излагалъ Бѣлинскому философію Гегеля, и еще болѣе къ Каткову, при помощи котораго нашъ критикъ знакомился съ Гегелевой эстетикой. Что касается Н. В. Станкевича, то мы не рѣшимся утверждать, что Бѣлинскій превосходилъ его силой ума. Самъ Бѣлинскій былъ, повидимому, расположенъ смотрѣть на него снизу вверхъ. Однако, это ровно ничего не доказываетъ. Бѣлинскій зналъ себѣ цѣну, но, чуждый ревниваго себялюбія, онъ идеализировалъ своихъ друзей и преувеличивалъ ихъ достоинства *). Н. В. Станкевичъ былъ, несомнѣнно, человѣкомъ очень выдающагося ума, но онъ во всякомъ случаѣ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія относиться къ Бѣлинскому, по свидѣтельству И. С. Тургенева, нѣсколько насмѣшливо. Такая насмѣшливость, которую, впрочемъ, самъ Тургеневъ называетъ дружественной, понятна лишь какъ скрытое подъ пріятельской шуткой неодобреніе тѣхъ „крайностей“, которыми Бѣлинскій такъ сильно поражалъ всѣхъ своихъ друзей, не исключая и А. И. Герцена. Прозвище „неистовый Виссаріонъ“ онъ получилъ именно отъ Станкевича. Но тутъ кстати будетъ припомнить слова Гегеля: безъ страсти не дѣлается ничего великаго. „Неистовый“ характеръ Бѣлинскаго сдѣлалъ то, что нашъ критикъ заглянулъ въ проклятые вопросы того времени такъ глубоко, какъ это никогда не удавалось сдѣлать Станкевичу.

Замѣчательно, что Бѣлинскій былъ едва ли не единственнымъ разночинцемъ въ своемъ кружкѣ. Извѣстно, что и впослѣдствіи, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, разночинецъ относился къ „проклятымъ вопросамъ“ далеко не такъ сдержанно, какъ просвѣщенные представители дворянскаго сословія. „Неистовство“ Бѣлинскаго какъ бы

*) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Боткину онъ говорилъ полушутя о Катковѣ: „Не забудь, что мы съ К. соперники по ремеслу, а я по моей натурѣ способенъ всегда видѣть въ соперникѣ Богъ знаетъ что, а въ себѣ менѣе, чѣмъ ничего“. Здѣсь подъ шуткой скрывалась неоспоримая истина.

прообразовало собой будущія литературныя „неистовства“ Чернышевскаго, Добролюбова и ихъ послѣдователей. Недаромъ люди „шестидесятыхъ“ годовъ такъ горячо почитали Бѣлинскаго...

Послѣ исключенія изъ университета Бѣлинскій, претерпѣвъ жестокою бѣдностью, нашель у Надеждина постоянную литературную работу. Сначала онъ занимался переводами, но уже въ сентябрѣ 1834 года онъ дебютировалъ на страницахъ „Молвы“ въ качествѣ литературнаго критика знаменитой статьёй „Литературныя мечтанія (элегія въ прозѣ)“. Съ этихъ поръ онъ не переставалъ писать сперва у Надеждина, т.-е. въ „Молвѣ“ и „Телескопѣ“ (1834—1836 гг.), потомъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1838—1839 гг.), въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1839—1846 гг.) и, наконецъ, въ „Современникѣ“ (1846—1848 гг.). На нѣкоторое время литературная дѣятельность его была прервана (1836—1838 гг.) лишь „по независящимъ обстоятельствамъ“: вслѣдствіе запрещенія „Телескопа“ осенью 1836 г. *).

Лѣтомъ 1843 года Бѣлинскій сблизился въ Москвѣ съ классной дамой одного изъ московскихъ институтовъ, въ томъ же году ставшей его женой. Характеръ его отношеній къ женѣ до сихъ поръ выясненъ очень мало. Пыпинъ кратко говоритъ о нихъ: „Онъ (Бѣлинскій. Г. П.) внесъ въ эти отношенія все увлеченіе, какое отличало его характеръ: онъ былъ исполненъ ожиданій,—должно было кончиться одиночество, подавлявшее его среди трудной виѣшней дѣятельности; онъ ждалъ цѣлаго переворота въ своей жизни...

„У домашняго очага началась для него новая жизнь, съ ея особыми интересами и тревогами, которые могли быть только его личной заботой... Бѣлинскій продолжалъ много работать и даже работалъ больше прежняго“.

Наружность Бѣлинскаго такъ описывается Тургеневымъ: „Это былъ человекъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалою грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не-медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки... Притомъ же (въ послѣдніе годы) онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькіе частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный,

*) Добавимъ, что Бѣлинскій напечаталъ одно стихотвореніе въ „Листкѣ“ 1831 г.; написалъ въ 1839 г. пяти-актную драму „Пятидесятилѣтній дядошка или странная болѣзнь“; помѣстилъ нѣсколько статей въ „Литературныхъ прибавленіяхъ“ къ „Русскому Инвалиду“ за тотъ же годъ и одну статью (объ А. Д. Кантемирѣ) въ „Литературной Газетѣ“ (№№ 6, 7 и 8) за 1845 г. Далѣе онъ въ томъ же году написалъ статью „Москва и Петербургъ“ для 1-й части Сборника „Физиологія Петербурга“, а въ 1846 г. въ „Петербургскомъ сборникѣ“ появилась его статья: „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“. Тогда же имъ написана статья объ А. В. Кольцовѣ, напечатанная при собраніи стихотвореній этого послѣдняго, и выпущена брошюра: „Николай Алексѣевич Полевой“.

хотя и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взгляды ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но приятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, „упорствуя, волнуясь и спѣша“ (стихъ г. Некрасова). Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ русскимъ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ тепломъ картузѣ, старой еотовой шубенкѣ и стоптанныхъ калошахъ онъ торопливой и нервной походкой пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ, тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія... Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ носилъ обыкновенно сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно...

Къ этому надо прибавить, что, по словамъ Тургенева, извѣстный литографическій портретъ Бѣлинскаго даетъ невѣрное понятіе о его наружности.

II.

Бѣдная внѣшними событіями, жизнь Бѣлинскаго ознаменовалась настоящими бурями въ умственной области. Значеніе этихъ бурь до сихъ поръ неясно многимъ и многимъ изъ его почитателей. Почитателей смущалъ и смущаетъ тотъ періодъ умственнаго развитія Бѣлинскаго, въ теченіе котораго онъ считалъ себя обязаннымъ смиряться передъ тогдашней русской дѣйствительностью. Этотъ періодъ ставится обыкновенно въ вину Гегелю и чаще всего характеризуется словами: „ошибка“, „промахъ“, „недоразумѣніе“ и т. п. На самомъ же дѣлѣ этотъ періодъ является самымъ яркимъ свидѣтельствомъ въ пользу колоссальной силы ума Бѣлинскаго и какъ нельзя лучше подтверждаетъ слова кн. Одоевскаго, сказавшаго: „Бѣлинскій былъ одной изъ высшихъ философскихъ организаций, какія я когда-либо встрѣчалъ въ жизни“.

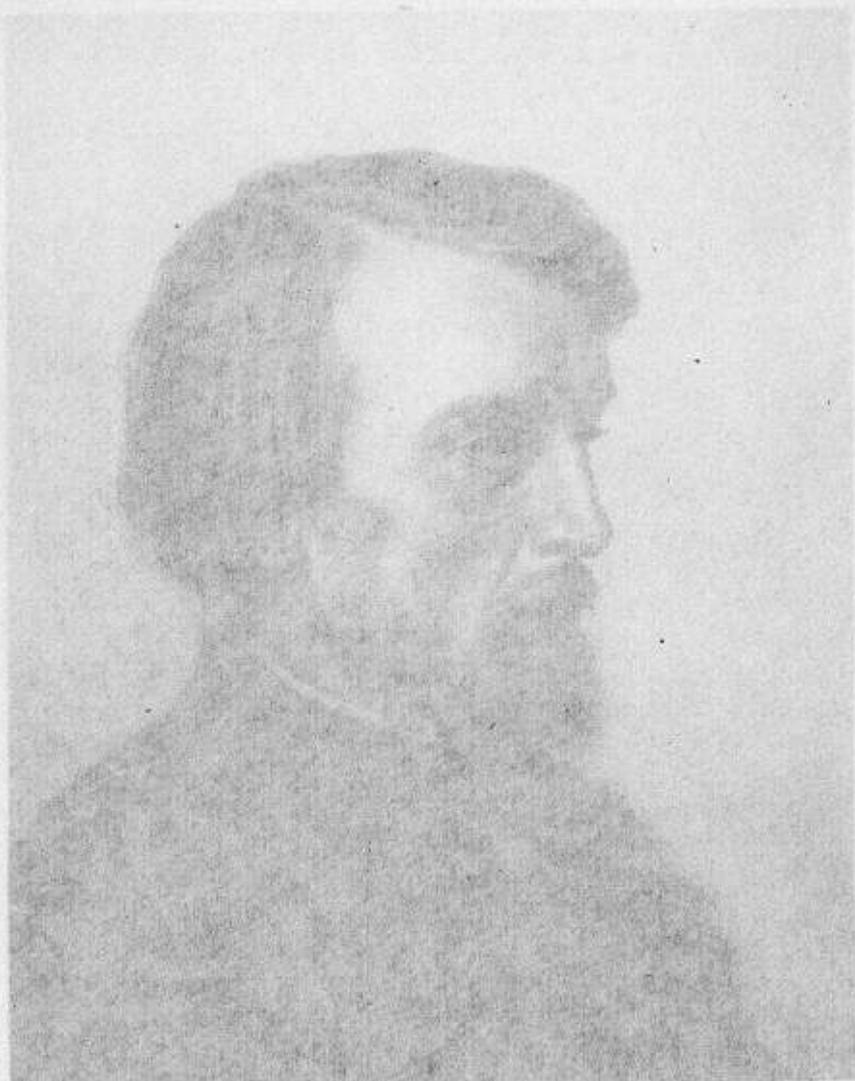
Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо предварительно выяснить себѣ историческое значеніе Гегелевой философіи, знакомство съ которой составило такую важную эпоху въ умственной жизни Бѣлинскаго.

Французскіе просвѣтители XVIII вѣка твердо вѣрили въ силу разума и не менѣе твердо были убѣждены въ томъ, что „мнѣнія правятъ міромъ“, т.-е. что ходъ развитія идей опредѣляетъ собою ходъ общественнаго развитія. Потрясающія событія конца XVIII и начала XIX столѣтій подорвали вѣру въ силу „разума“, и люди наиболѣе вдумчивые стали приходить къ тому убѣжденію, что ходъ развитія идей не опредѣляетъ собой хода общественнаго развитія,

а, наоборотъ, самъ опредѣляется имъ. Тогда началась новая фаза въ исторіи общественной науки; вѣрнѣе сказать, тогда впервые явилась возможность прочнаго обоснованія этой науки. Эпоха реставраціи характеризуется упорнымъ стремленіемъ открыть законъ о образности въ ходѣ историческаго развитія вообще и умственнаго развитія человѣчества въ частности (напомнимъ знаменитый „законъ трехъ фазисовъ“ Сень-Симона—Огюста Конта). Наболѣе выдающіеся историки этой эпохи разсматриваютъ взгляды людей, какъ продуктъ ихъ общественныхъ отношеній, и всѣ изслѣдователи общественной жизни и литературы одинъ за другимъ переходятъ на точку зрѣнія развитія. И этотъ процессъ перехода мы можемъ наблюдать не только во Франціи, гдѣ онъ былъ вызванъ вышеуказаннымъ ходомъ историческихъ событій, но также и въ Германіи, внимательно слѣдившей за этими событіями и до извѣстной степени участвовавшей въ нихъ. Нѣмецкая идеалистическая философія, въ лицѣ Шеллинга и Гегеля, была философіей эволюціонной по преимуществу.

Необходимо замѣтить однако, что въ нѣмецкой идеалистической философіи, особенно у Гегеля, ученіе о развитіи приняло діалектическій характеръ. Діалектика есть тоже ученіе о развитіи; но она всегда была чужда односторонности, свойственной тому вульгарному ученію объ эволюціи, которое послѣ паденія теоріи катастрофъ Кювье господствовало въ средѣ естествоиспытателей XIX вѣка, а отъ естествоиспытателей перешло также и къ людямъ, занимавшимся общественными вопросами. Гегель рѣшительно возсталъ противъ знаменитаго положенія: „природа не дѣлаетъ скачковъ“. Онъ говорилъ, что люди, отстаивающіе это положеніе, видятъ лишь одинъ изъ моментовъ процесса развитія. Въ дѣйствительности количественныя измѣненія, постепенно накапливаясь, переходятъ, наконецъ, въ качественныя, и эти переходы совершаются посредствомъ скачковъ. Извѣстно, что въ настоящее время въ биологіи распространяется теорія такъ называемаго скачкообразнаго развитія. Гегель сказалъ бы, что она подкрѣпляетъ одно изъ основныхъ положеній его діалектики. И онъ былъ бы правъ.

Мы не имѣемъ возможности вдаваться здѣсь въ подробности разсужденія на эту тему. Намъ достаточно отмѣтить, что Гегелево, т.-е. діалектическое, ученіе о развитіи умѣло отвести надлежащее мѣсто не только „скачкамъ“ (измѣненія качества), но и подготавливающему ихъ процессу постепеннаго измѣненія (измѣненія количества). Въ виду этого нельзя не признать, что правъ былъ Герценъ, назвавшій философію Гегеля алгеброй революціи. Гегель говорилъ, что „всемірный духъ“ никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ. „Онъ постоянно идетъ впередъ, потому что движеніе впередъ составляетъ его природу“. Мы видимъ отсюда, что послѣдователи Гегеля не имѣли никакихъ логическихъ основаній для того, чтобы поддаваться указанному выше разочарованію въ силѣ разума. Напротивъ. Гегелева философія была какъ будто нарочно придумана

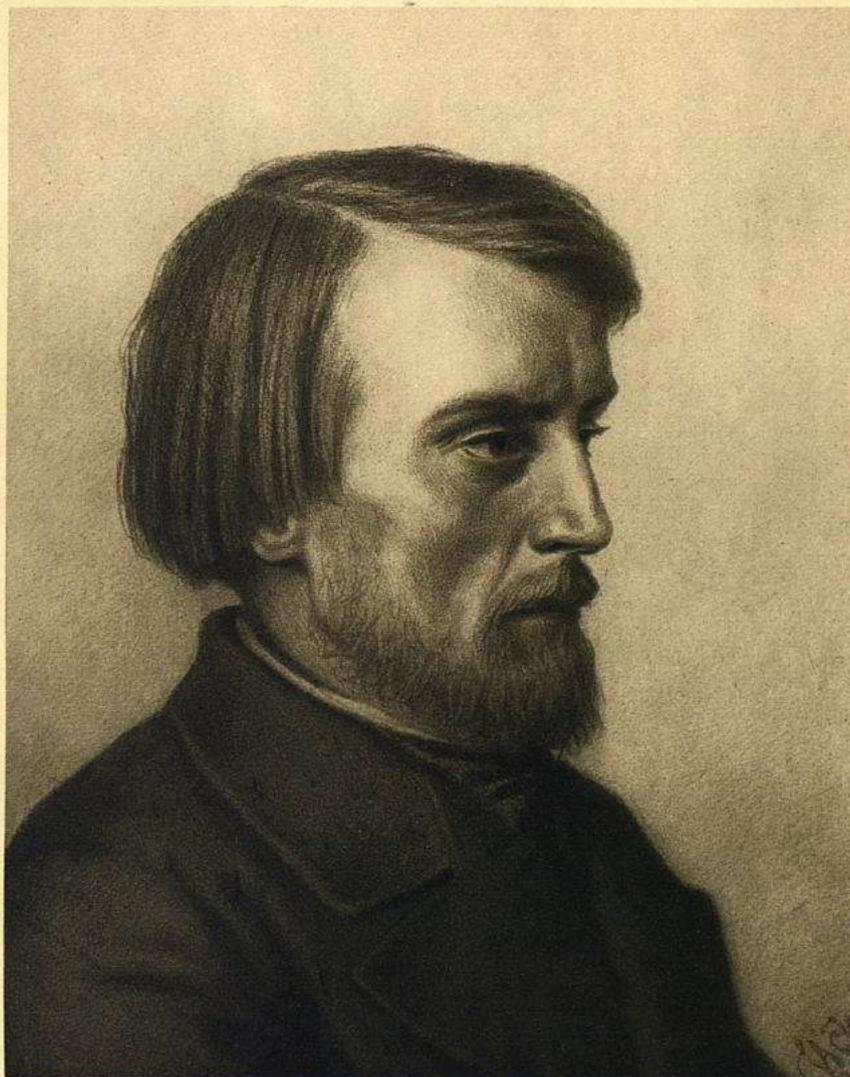
В. Бѣлинскій
Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Съ картины К. Л. Горбунова.
(Третьяковская галлерей въ Москвѣ.)

а, наоборот, сама определяется имъ. Тогда началась новая фаза въ исторіи общественной науки, впервые сказавъ, тогда впервые явилась возможность прочнаго обоснованія этой науки. Эпоха реставраціи характеризуется упорнымъ стремленіемъ открыть законосообразность въ ходѣ историческаго развитія вообще и умственнаго развитія человѣчества въ частности (напомнимъ знаменитый „законъ трехъ фазисовъ“ Спенсера — Осюста Конта). Навѣрное выдающіеся историки этой эпохи разсматриваютъ взгляды людей, какъ продуктъ ихъ общественнаго положенія, и всѣ изслѣдователи общественной жизни и литературы одинъ за другимъ переходятъ на точку зрѣнія реакціи. И этотъ процессъ перехода мы можемъ наблюдать не только во Франціи, гдѣ онъ былъ вызванъ вышеуказаннымъ ходомъ историческихъ событій, но также и въ Германіи, внимательно слѣдившей за этими событіями и до известной степени участвовавшей въ нихъ. Нѣмецкая идеалистическая философія, въ лицѣ Шеллинга и Гегеля, была философіей эволюціонной по преимуществу.

Необходимо замѣтить однако, что въ нѣмецкой идеалистической философіи, особенно у Гегеля, ученіе о развитіи приняло діалектическій характеръ. Діалектика есть тоже ученіе о развитіи; но она всегда была чужда односторонности, свойственной тому вульгарному ученію объ эволюціи, которое послѣ паденія теоріи катастрофы Кюлье господствовало въ средѣ естествоиспытателей XIX вѣка, а отъ естествоиспытателей перешло также и къ людямъ, занимавшимся общественными вопросами. Гегель рѣшительно возсталъ противъ жеманятаго положенія: „природа не дѣлаетъ скачковъ“. Онъ говорилъ, что люди, отстаивающіе это положеніе, видятъ лишь одинъ изъ моментовъ процесса развитія. Въ дѣйствительности количественныя измѣненія, постепенно накопляясь, переходятъ, наконецъ, въ качественныя, и эти переходы совершаются посредствомъ скачковъ. Известно, что въ настоящее время въ биологіи распространяется теорія такъ называемаго скачкообразнаго развитія. Гегель сказалъ бы, что она подтверждаетъ одно изъ основныхъ положеній его діалектики. И онъ былъ бы правъ.

Мы не имѣемъ возможности вдаваться здѣсь въ подробности разсужденія на эту тему. Намъ достаточно отмѣтить, что Гегелево, чистодіалектическое, ученіе о развитіи умѣло отвести надлежательное мѣсто не только „скачкамъ“ (измѣненія качества), но и подлинно каждаму ихъ процессу постепеннаго измѣненія (измѣненія количества). Въ виду этого нельзя не признать, что правъ былъ Герценъ, назвавшій философію Гегеля алгеброй революціи. Гегель говорилъ, что „дѣйствительность есть процессъ“. Мы не имѣемъ возможности доказать, что движеніе природы составляетъ его процессъ. Но мы знаемъ, что изслѣдователи Гегеля не имѣли возможности основаній для того, чтобы поддѣлываться. Имъ пришлось признаться въ разочарованіи. Напротивъ, Гегелева философія была какъ будто нарочно придумана

В. Фромкин

для того, чтобы сбросить съ мыслящихъ людей тяжесть этого разочарованія. Вотъ почему она приобрѣла такое огромное вліяніе на германскую, да и не только германскую, молодежь того времени.

Но тѣ люди, которые въ своемъ стремленіи впередъ опирались на философію Гегеля, уже не могли довольствоваться въ своей борьбѣ съ устарѣлыми взглядами апелляціей къ какому-нибудь отвлеченному принципу, напримѣръ, къ принципу вѣчной справедливости и т. п. Нѣтъ, такая апелляція достойна была только „метафизиковъ“. Передовой человѣкъ, усвоившій себѣ духъ діалектической философіи Гегеля, долженъ былъ прежде всего убѣдиться въ томъ, что его „субъективныя“ стремленія лишь выражаютъ собою „глубокую внутреннюю работу“, совершаемую въ обществѣ движеніемъ „всемирнаго духа“. Не подкрѣпляемая этой работой субъективныя стремленія признавались произвольными, „призрачными“ и заранѣе осужденными на неудачу.

Ошибались тѣ, которые считали выраженіемъ консерватизма знаменитыя слова Гегеля: „что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно“. Тутъ было недоразумѣніе, вызванное незнакомствомъ съ терминологіей Гегеля. По Гегелю, далеко не все существующее было дѣйствительнымъ. Онъ говорилъ: *Die Wirklichkeit steht höher als die Existenz* (дѣйствительность выше существованія). Случайное существованіе не есть дѣйствительное существованіе. Дѣйствительно только то, что необходимо. А необходимо въ послѣднемъ счетѣ именно только вѣчное движеніе впередъ „всемирнаго духа“. Своей „кротовой“ работой „всемирный духъ“ подрываетъ существующій порядокъ; превращаетъ его въ форму, лишенную всякаго „дѣйствительнаго“ содержанія, и дѣлаетъ необходимымъ появленіе новаго порядка, роковымъ образомъ сталкивающегося со старымъ.

Не всѣ ученики Гегеля хорошо поняли этотъ діалектической характеръ его философіи. Да и самъ онъ подъ старость нерѣдко измѣнялъ этому характеру въ своемъ отношеніи къ общественно-политическимъ вопросамъ. Его философія была не только діалектической системой. Она хотѣла также быть системой абсолютной истины. И эта претензія составляла элементъ консерватизма въ философіи Гегеля. По его ученію, всякая философія есть идеальное выраженіе своего времени. Если мыслитель нашелъ абсолютную истину, то это значитъ, что онъ жилъ въ такое время, которому соотвѣтствовалъ „абсолютный“, т.-е. совершенный общественный порядокъ. А такъ какъ „абсолютная“ истина не можетъ устарѣть; такъ какъ совершенный общественный порядокъ не можетъ оказаться несовершеннымъ, то отсюда слѣдуетъ, что стремленіе измѣнить этотъ порядокъ является бунтомъ противъ „всемирнаго духа“. Конечно, и въ „абсолютномъ“ порядкѣ могутъ быть сдѣланы частныя улучшенія; но въ общемъ и цѣломъ онъ долженъ остаться такимъ же непоколебимымъ, какъ непоколебима выражаемая имъ „абсолютная“ истина.

Въ молодости Гегель сочувствовалъ великой французской революціи; но съ лѣтами любовь къ свободѣ у него все ослабѣвала, а склонность жить въ мирѣ съ существующимъ порядкомъ вещей все усиливалась. Особенно сильно сказалась она въ его „Philosophie des Rechts“. Это сочиненіе изобилуетъ гениальнѣйшими мыслями. И въ то же время оно поражаетъ очевидными усиліями автора примирить свою философію съ прусскимъ консерватизмомъ. Особенно поучительно въ этомъ отношеніи предисловіе, въ которомъ знаменитое положеніе: „что разумно, то дѣйствительно; и что дѣйствительно, то разумно“—получаетъ ужъ совсѣмъ не то истолкованіе, какое давалось ему въ „Логикѣ“. Въ предисловіи выходитъ, что человѣкъ, понявшій дѣйствительность и открывшій скрытый въ ней разумъ, не возстаетъ противъ нея, а мирится съ нею и радуется на нее. Такой человѣкъ не отказывается отъ своей субъективной свободы; но субъективная свобода проявляется у него не въ разладѣ съ существующимъ, а въ согласіи съ нимъ. Вообще разладъ съ существующимъ, разногласіе между разумомъ познающимъ и разумомъ, воплотившимся въ дѣйствительности, вызывается лишь неполнымъ пониманіемъ этой дѣйствительности, лишь промахами отвлеченной мысли. Полузнаніе возбуждаетъ людей противъ окружающей дѣйствительности, истинное же знаніе мирится съ нею. Такъ разсуждаетъ Гегель въ названномъ предисловіи. Просимъ читателя замѣтить, что выраженіе „примиреніе съ дѣйствительностью“ (Die Versöhnung mit der Wirklichkeit) употребляется здѣсь самимъ Гегелемъ.

III.

Изъ этого видно, что неправы были тѣ друзья Бѣлинскаго, которые, подобно Грановскому и Станкевичу, утверждали, что къ примиренію съ дѣйствительностью его толкнуло плохое пониманіе Гегеля. Плохое пониманіе тутъ, конечно, было; но Бѣлинскій повиненъ въ немъ не больше, нежели самъ Гегель,—тотъ Гегель, который провозглашалъ „абсолютное“ значеніе своей философіи, забывая основную мысль своей діалектики: все течетъ, все измѣняется. Очень возможно, что если бы Бѣлинскій владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ и имѣлъ достаточно времени для систематическаго изученія Гегелевой философіи, то онъ гораздо скорѣе и легче понялъ бы ея истинный, т.-е. діалектическій характеръ. Очень возможно, а для насъ даже несомнѣнно, что не обладавшій діалектическимъ умомъ Бакунинъ своимъ влияніемъ помѣшалъ ему понять, что Гегель измѣнилъ своей собственной философіи, провозгласивъ ее системой абсолютной истины. Но все-таки необходимо помнить, что „примиреніе“ Бѣлинскаго съ дѣйствительностью не противорѣчило, по крайней мѣрѣ, тому Гегелю, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ „Philosophie des Rechts“. Это слишкомъ склонны забывать тѣ, которые презрительно, пожимаютъ плечами по поводу

„ошибки“ Бѣлинскаго: эта ошибка была сдѣлана вслѣдъ за Гегелемъ.

Но почему же все-таки могъ сдѣлать эту ошибку, хотя бы и вслѣдъ за Гегелемъ, молодой Бѣлинскій, составившій себѣ на основаніи своего дѣтскаго и юношескаго опыта совѣмъ не отрадное впечатлѣніе о нашей русской „дѣйствительности“? Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, надо ознакомиться съ тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ находился Бѣлинскій въ періодъ, непосредственно предшествовавшій его увлеченію Гегелемъ. Онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, что раннія произведенія Шиллера: „Разбойники“, „Фіеско“, „Коварство и любовь“, внушили ему „дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ“. Въ томъ же направленіи повліялъ на него и „Донъ-Карлосъ“. „Донъ-Карлосъ,—говорилъ онъ,—бросилъ меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ и въ которомъ я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя нулемъ“. Это признаніе Бѣлинскаго въ высшей степени важно для исторіи его умственнаго развитія. И всего важнѣе въ немъ то, что характеризуемое имъ настроеніе, сопровождавшееся сознаниемъ своего безсилія, не могло быть личной особенностью молодого Бѣлинскаго: онъ, конечно, не одинъ сознавалъ себя тогда „нулемъ“. Всѣ тѣ мыслящіе русскіе люди, которые не расположены были восторгаться существовавшимъ порядкомъ вещей, должны были сознавать себя совершенно безсильными. Эпоха, къ которой относятся юношескіе годы Бѣлинскаго, была очень тяжелой эпохой. Герценъ говоритъ объ этой эпохѣ: „Нравственный уровень общества палъ, развитіе было прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные, испуганные, слабые, потерянные, были мелки, пусты, дрянъ александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто“. Какъ видимъ, общественное настроеніе того времени было именно таково, что человѣкъ, не чуждый освободительныхъ идей, долженъ былъ сознавать свое безсиліе и „чувствовать себя нулемъ“. Нечего и говорить о томъ, насколько мучительно такое чувство. Бѣлинскому, какъ кажется, иногда удавалось преодолѣть его и настроить себя на оптимистическій ладъ. Въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ онъ, высказавъ ту мысль, что Россія нуждается пока не въ литературѣ, а въ просвѣщеніи, утверждалъ, что наше правительство одушевлено самыми лучшими намѣреніями по этой части. И, зная Бѣлинскаго, мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, что, когда онъ утверждалъ это, онъ совѣмъ не кривилъ душою. Но легко понять и то, что его вѣра въ просвѣтительныя намѣренія тогдашняго правительства не могла быть постоянной, а должна была по временамъ уступать мѣсто самому полному скептицизму: вѣдь долженъ же онъ былъ видѣть, что каждый новый день приносилъ съ собой новые факты, показывавшіе полную неоснова-

тельность его вѣры. Да и не могли успѣхи просвѣщенія удовлетворить юношу, проникнутаго „абстрактнымъ героизмомъ“. Такому юношѣ нужны были несравненно болѣе „героическія“ перспективы, а ихъ то и не открывала русская общественная жизнь. И вотъ почему мимолетный оптимизмъ Бѣлинскаго долженъ былъ снова и снова смѣняться въ его душѣ тѣмъ отмѣченнымъ выше настроеніемъ, въ которомъ онъ „мучительно сознавалъ себя нулемъ“. Отъ этого настроенія необходимо было отдѣлаться, изъ этого положенія нужно было найти выходъ. И Бѣлинскій неумоимо искалъ его.

На время онъ нашель его съ помощью Бакунина въ философіи Фихте. „Я уцѣпился за фихтеанскій взглядъ,—говорилъ онъ потомъ,—съ энергіей, съ фанатизмомъ“. Это очень характерно и въ то же время вполне естественно. По собственному выраженію Бѣлинскаго, въ его глазахъ всегда двоилась жизнь идеальная и жизнь дѣйствительная. Ухватившись за философію Фихте, онъ почувствовалъ себя исцѣленнымъ отъ этой двойственности. Онъ убѣдилъ себя въ томъ, что „идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная..., а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота“.

Утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, Бѣлинскій сталъ тѣмъ сильнѣе враждовать съ „такъ называемой дѣйствительной жизнью“ во имя идеала. Въ этомъ своемъ періодѣ, который мы назовемъ первымъ періодомъ его философскаго развитія, первымъ актомъ его умственной драмы, онъ съ полнымъ и нескрываемымъ сочувствіемъ относился къ французской революціи. Но спрашивается: могло ли быть прочнымъ то нравственное спокойствіе, которое онъ приобрѣлъ цѣной игнорирования дѣйствительности? Ясно, что не могло.

Онъ объявилъ дѣйствительную жизнь „призракомъ“. Но должно-быть и призраки не похожи одинъ на другой. Даже современная Бѣлинскому французская дѣйствительность очень сильно отличалась отъ русской, а что касается прошлаго, то вѣдь революція, которой такъ сильно сочувствовалъ онъ теперь, была въ свое время фактомъ „дѣйствительной жизни“ Франціи. И Бѣлинскому достаточно было спросить себя: „почему не знаетъ такихъ фактовъ исторія Россіи?“—чтобы немедленно столкнуться съ болѣе общимъ и болѣе глубокимъ вопросомъ: почему „дѣйствительная жизнь“ одной страны или одного времени не похожа на дѣйствительную жизнь другой страны и другого времени? А этотъ вопросъ отнюдь не разрѣшался „фихтеанскимъ“ игнорированьемъ „дѣйствительной жизни“. Отвѣтить на него могъ бы только тотъ, кто понялъ бы законы развитія „дѣйствительной жизни“, т.-е. рѣшилъ бы ту задачу, которую, какъ мы уже знаемъ, усердно старалась рѣшить общественная наука XIX вѣка.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся уже къ слѣдующему періоду его развитія, Бѣлинскій говорилъ: „Я ненавижу мысль, какъ отвлеченіе. Но развѣ она можетъ приобретаться, не будучи

отвлеченной. Я понимаю всю нелѣпость подобнаго предположенія, но моя природа враждебна мышленію“. Само собою разумѣется, что онъ клеветалъ на себя, называя свою природу враждебной мышленію. Это доказывается многими изъ его писемъ и многими изъ тѣхъ блестящихъ страницъ, на которыхъ онъ излагалъ теорію литературы. Но несомнѣнно то, что Бѣлинскій не терпѣлъ произвольныхъ операций съ отвлеченными понятіями; онъ всегда стремился обосновать ходъ своихъ идей на объективномъ ходѣ вещей. И вотъ эта-то черта его умственной фізіономіи,—черта, благодаря которой ему, между прочимъ, удалось такъ много сдѣлать для литературной критики,—должна была скоро и сильно отравить ту радость, которую онъ испыталъ, повернувшись во имя „идеала“ спиной къ „дѣйствительности“. Впослѣдствіи онъ называлъ свой фихтеанскій періодъ періодомъ распаденія. Этимъ словомъ онъ обозначалъ то состояніе неудовлетворенности, которое онъ испыталъ въ туманной области оторваннаго отъ „дѣйствительности“ „идеала“. И эта неудовлетворенность привела его къ разрыву съ философіей Фихте.

По недостатку данныхъ исторія этого разрыва до сихъ поръ остается нѣсколько неясной. Однако, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что уже во 2-ой половинѣ 1837 года Бѣлинскій находился подъ вліяніемъ Гегеля и заключилъ миръ съ той самой „дѣйствительностью“, съ которой онъ такъ сильно „враждовалъ“ прежде. Въ письмѣ отъ 7-го августа этого года онъ, совѣтуя одному своему другу заниматься философіей, прибавляетъ: „Только въ ней ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ, и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя“. Но вѣдь система Фихте тоже была философіей. Почему же она не дала „мира и гармоніи“ душѣ Бѣлинскаго? И почему онъ нашелъ ихъ въ системѣ Гегеля? Это объясняютъ намъ другія строки письма, въ которыхъ Бѣлинскій „пуще всего“ предупреждаетъ своего друга отъ увлеченія политикой, которая въ Россіи будто бы не имѣетъ никакого смысла. „Для Россіи назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи,—говоритъ онъ,—гдѣ политическое направленіе и наукъ и искусствъ, и характеръ жителей имѣетъ свой смыслъ, свою законность и свою хорошую сторону“. Этотъ отрывокъ отчасти окрываетъ передъ нами тотъ путь, которымъ Бѣлинскій пришелъ отъ пренебреженія „дѣйствительностью“ во имя „идеала“ къ „примиренію“ съ этой „дѣйствительностью“. Дѣло было въ томъ, что, какъ мы уже знаемъ, „идеалъ“ возбудилъ въ Бѣлинскомъ горячее увлеченіе нѣкоторыми страницами дѣйствительной исторіи Франціи, а это увлеченіе, вѣроятно, заставило его провести параллель между исторіей Франціи съ одной стороны и исторіей Россіи съ другой. Параллель эта под-сказывала чрезвычайно безотрадный для мыслящаго русскаго чело-вѣка выводъ, отъ котораго можно было отмахнуться только полнымъ

отрицаніемъ политики, будто бы не имѣющей въ Россіи ни малѣйшаго смысла. А такъ какъ подобное отрицаніе чрезвычайно сильно подкрѣплялось Гегелемъ второй манеры,—Гегелемъ, написавшимъ предисловіе къ *Philosophie des Rechts*,—то Бѣлинскій и ухватился за Гегеля всѣми силами своей страстной души *).

Мы видѣли, что въ эпоху своего „фихтеанства“ Бѣлинскій мучился, сознавая, что его абстрактный идеалъ не находитъ никакого приложенія къ жизни. Увлечшись Гегелемъ, онъ повернулся спиной къ „идеалу“, который неспособенъ былъ привести ни къ чему, кромѣ безплодной „вражды“ съ „дѣйствительностью“. „Не суйся въ дѣла, которыя тебя не касаются,—восклицалъ онъ теперь,—но будь вѣренъ своему дѣлу, а новое дѣло—любовь къ истинѣ... Къ чорту политику, да здравствуетъ наука“.

На какіе же вопросы должна была отвѣтить „неистовому Виссаріону“ наука, ради которой онъ покидалъ политику? Это видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Станкевичу:

„Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа, пріѣзжаетъ Бакунинъ... Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся. Сила есть право, и право есть сила,—нѣтъ не описать тебѣ съ какимъ чувствомъ услышалъ я эти слова—это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей. Я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности—и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ...“

Вопросы, на которые должна была отвѣтить Бѣлинскому наука, были тѣми же самыми вопросами, за разрѣшеніемъ которыхъ онъ прежде обращался къ „политикѣ“. Въ нихъ нѣтъ никакого „отвлеченія“; это конкретные вопросы общественнаго развитія: чѣмъ объясняется „паденіе царствъ“? Законны ли завоеванія? На чемъ основывается владычество штыка и меча? Наконецъ,—и это самый важный и самый глубокій вопросъ,—неужели исторія человѣчества есть царство простой случайности? Тогдашняя радикальная политика и тогдашній социализмъ умѣли давать лишь отвлеченные отвѣты на эти конкретные вопросы: они осуждали извѣстныя, несимпатичныя имъ историческія событія,—напр., завоеваніе одного народа другимъ,—но не объясняли ихъ. Социализмъ еще не вышелъ тогда изъ своей утопической фазы. Наоборотъ, философія Гегеля дорожила только конкретными отвѣтами на конкретные историческіе вопросы. И она уже отчасти давала такіе отвѣты, опираясь на исторію. А въ исто-

*) Не такъ давно въ нашей литературѣ высказанъ былъ тотъ взглядъ, что „примиреніе“ Бѣлинскаго съ „дѣйствительностью“ объясняются „особенностями его личной исторіи“. Но главная особенность „личной исторіи“ Бѣлинскаго въ томъ и заключалась, что у него были такіе теоретическіе запросы, для удовлетворенія которыхъ больше всего могла дать тогда философія Гегеля. Всѣ другія особенности его жизни только подкрѣпляли собою эти глубокіе запросы.

ри сила далеко не всегда противорѣчитъ праву. Извѣстенъ отвѣтъ Сэйса защитникамъ стараго порядка, утверждавшимъ, что права французскаго дворянства опирались на завоеванія: „только то? мы въ свою очередь станемъ завоевателями!“ И третье сословіе въ самомъ дѣлѣ „завоевало“ себѣ новое положеніе въ обществѣ. Всякій тотъ, кто не ослѣпленъ аристократическимъ предразсудкомъ согласится, что „сила“ этого сословія подкрѣпляла собой „право“, а не отрицала его. Выходитъ, что вульгарное противопоставленіе права силѣ не выдерживаетъ критики, такъ какъ сохраняетъ свой смыслъ лишь при особенныхъ общественныхъ положеніяхъ, съ своей стороны объясняемыхъ ходомъ историческаго развитія. Эта мысль, выраженная у Бѣлинскаго словами: „сила есть право и право есть сила“, показала ему цѣлымъ откровеніемъ. Она въ самомъ дѣлѣ имѣетъ колоссальное теоретическое значеніе, а въ его глазахъ приобрѣтала, кромѣ того, и огромную нравственную цѣнность: она утѣшала его, обѣщая осмыслить донельзя некрасивую русскую дѣйствительность. Поэтому онъ и увлекся ею, положивъ ее въ основу своей знаменитой статьи о Бородинской битвѣ („Отечественныя Записки“ 1839 г., XII кн.).

Пафосомъ этой статьи является борьба съ тѣмъ отвлеченнымъ взглядомъ на исторію, согласно которому историческое движеніе обуславливается понятіями людей. „Начиная отъ временъ, о которыхъ мы знаемъ только изъ исторіи, до нашего времени,—говоритъ Бѣлинскій,—не было и нѣтъ ни одного народа, составившагося и образовавшагося по взаимному и сознательному условію извѣстнаго числа людей, изъявившихъ желаніе войти въ его составъ, или по мысли одного какого-нибудь, хотя бы гениальнаго, человѣка“. Любопытно, что Бѣлинскій беретъ въ примѣръ именно вопросъ о происхожденіи монархіи. По его словамъ, либеральные говоруны объясняютъ это происхожденіе испорченностью людей, которые, убѣдившись въ своей неспособности къ самоуправленію, подчинились волѣ одного лица, ими же облеченнаго властью. Но такое объясненіе кажется ему нелѣпымъ. Онъ говоритъ: „все, что не имѣетъ причины въ самомъ себѣ и является изъ какого-то чуждаго ему „внѣ“, а не „изнутри“ самого себя, все такое лишено разумности, а слѣдовательно, и характера священности. Коренныя государственныя постановленія священны потому, что они суть основныя идеи не какого-нибудь извѣстнаго народа, но каждаго народа, и еще потому, что они перешедши въ явленіе, ставши фактомъ, діалектически развивались въ историческомъ движеніи, такъ что самыя ихъ измѣненія суть моменты ихъ же собственной идеи. И потому коренныя постановленія не бываютъ закономъ, изреченнымъ отъ человѣка, но являются, такъ сказать, довременно и только выговариваются и сознаются человѣкомъ“.

Несмотря на нѣкоторую неловкость въ употребленіи философскихъ терминовъ, эти строки заслуживаютъ величайшаго вниманія.

Бѣлинскій искалъ критерія разумности общественныхъ явленій. Въ чемъ же онъ нашель его? Во внутренней необходимости: разумно только явленіе, имѣющее „причину въ самомъ себѣ“. Наоборотъ, неразумны всѣ тѣ явленія, которыя возникаютъ въ силу какого-нибудь чуждаго имъ „внѣ“, т.-е. не вызываются внутренней логикой предыдущаго общественнаго развитія. „Разумны“, а потому и „священны“ такія общественныя учрежденія, которыя „діалектически развиваются въ историческомъ движеніи“. На это можно возразить, что чуждое данному явленію „внѣ“ само имѣеть свою достаточную причину и потому должно быть признано однимъ изъ звеньевъ другого необходимаго процесса. Такъ называемая случайности,—на которыя, очевидно, намекаетъ здѣсь Бѣлинскій,—имѣють мѣсто лишь въ точкѣ пересѣченія двухъ или нѣсколькихъ необходимыхъ процессовъ. Примѣръ. Появленіе испанцевъ въ Перу должно быть признано случайностью съ точки зрѣнія логики внутренняго развитія государства Инковъ; но оно вызвано было стремленіемъ европейцевъ къ открытію новыхъ странъ, а это стремленіе вовсе не случайно съ точки зрѣнія внутренняго развитія европейскаго общества. Но подобное возраженіе только дополняетъ мысль Бѣлинскаго и ни мало не подрываетъ ея. Выражая эту мысль, онъ показалъ себя способнымъ подняться на высоту самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ задачъ соціологіи. Съ тѣхъ поръ какъ была высказана имъ эта мысль, общественная наука не сдѣлала рѣшительно ни одного завоеванія, которое не подтверждало бы ея правильности.

Далѣе. Конечно, не вѣрно то, что коренныя общественныя „постановленія“ являются такъ сказать, „довременно“. Утверждать это могъ только сторонникъ абсолютнаго идеализма, по ученію котораго логическія формы жизни предшествуютъ самой жизни. Но это вопросъ другой, не подлежащій здѣсь нашему разсмотрѣнію. Что касается Бѣлинскаго, то онъ и здѣсь высказывалъ положеніе совершенно вѣрное въ соціологическомъ смыслѣ. Въ переводѣ на нашъ нынѣшній языкъ оно означаетъ, что общественныя учрежденія возникаютъ не потому, что кто-то захотѣлъ установить именно эти, а не другія учрежденія, а потому, что они отвѣчаютъ извѣстнымъ общественнымъ потребностямъ, возникшимъ въ процессѣ историческаго развитія и опредѣлившимъ собою то волевое движеніе, которое побуждаетъ „общественнаго человѣка“ къ созданію данныхъ учрежденій. Усвоить себѣ эту истину значитъ навсегда распрощаться съ утопизмомъ.

Говорятъ обыкновенно, что въ періодъ своего „примиренія съ дѣйствительностью“ Бѣлинскій жертвовалъ личностью во имя „общаго“. Мы скоро увидимъ, что онъ и самъ готовъ былъ дѣлать себѣ подобный упрекъ. Но этотъ упрекъ основывается на недоразумѣніи.

„Человѣкъ есть частное и случайное по своей личности,—говоритъ Бѣлинскій въ той же статьѣ,—но общее и необходимое по

духу, выраженіемъ котораго служить его личность. Отсюда выходитъ двойственность его положеній и его стремленій; его борьба между своимъ я и тѣмъ, что находится внѣ его я, составляетъ его не я... Чтобы быть дѣйствительнымъ человѣкомъ, а не призракомъ, онъ долженъ быть частнымъ выраженіемъ общаго или конечнымъ проявленіемъ безконечнаго. Вслѣдствіе этого онъ долженъ отрѣшиться отъ своей субъективной личности, признавъ ее ложью и призракомъ, долженъ смириться передъ міровымъ, общимъ, признавъ только его истинной дѣйствительностью. Но какъ это міровое или общее находится не въ немъ, а въ объективномъ мірѣ, онъ долженъ сродниться, слиться съ нимъ, чтобы послѣ, усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность, стать снова субъективной личностью, но уже дѣйствительной, уже выражающей собою не случайную частность, а общее, міровое, словомъ, стать духомъ во плоти".

Бѣлинскій „жертвуетъ" только такой личностью, „частная" и „случайная" стремленія которой противорѣчатъ „міровому или общему". Но ошибочно было бы думать, что, по его мнѣнію, подобное противорѣчіе неизбѣжно. Личность можетъ явиться частнымъ выраженіемъ общаго, т.-е. выразить своими стремленіями великія задачи своего времени. Такая личность называется у Бѣлинскаго „дѣйствительнымъ человѣкомъ" и „духомъ во плоти". И онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанія „жертвовать" подобной личностью. Наоборотъ, на ея сторонѣ были самыя горячія его симпатіи.

Но то правда, что „дѣйствительный человѣкъ" или „духъ во плоти" долженъ былъ, по тогдашнему мнѣнію Бѣлинскаго, „смириться" передъ окружающей его дѣйствительностью, признавъ ее необходимымъ выраженіемъ „мірового или общаго". Въ статьѣ „Менцель, критикъ Гёте" онъ пишетъ: „Разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, предварительно взявъ за аксіому, что все, что есть, все то и необходимо, и законно, и разумно. Онъ не говоритъ, что такой-то народъ хорошъ, а всѣ другіе, непохожіе на него, дурны, что такая-то эпоха въ исторіи народа или человѣка хороша, а такая-то дурна, но для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, какъ выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ развивающейся. Для него возникновеніе и паденіе царствъ и народовъ не случайно, а внутренне-необходимо, и самая эпоха римскаго разврата есть не предметъ осужденія, а предметъ изслѣдованія". Тутъ сразу бросаются въ глаза два крупныхъ промаха противъ діалектики Гегеля. Во-первыхъ, необходимо, т.-е. дѣйствительно, далеко не все то, что есть. Мы уже знаемъ, что, по Гегелю, „дѣйствительное" выше просто существующаго. Во-вторыхъ, дѣлая предметомъ своего изслѣдованія „римскій развратъ", вѣрный ученикъ Гегеля отнюдь не долженъ былъ „смириться" передъ нимъ. Онъ долженъ былъ, напротивъ, осудить его именно потому, что онъ является про-

дуктомъ разложенія старой, отживающей дѣйствительности. Эти двѣ ошибки весьма характерны для тогдашняго настроенія и образа мыслей Бѣлинскаго. Но послѣ сказаннаго нами выше о двойственномъ характерѣ Гегелевой философіи едва ли нужно повторять, что Бѣлинскій сдѣлалъ эти двѣ ошибки не вслѣдствіе непониманія Гегеля, а вслѣдствіе слишкомъ послѣдовательнаго усвоенія той стороны его философіи, которая выразилась въ предисловіи къ „Philosophie des Rechts“.

„Смирившись“ (передъ дѣйствительностью, Бѣлинскій въ теченіе нѣкотораго времени чувствуетъ твердую почву подъ ногами и испытываетъ давно уже неиспытанное имъ нравственное спокойствіе. Онъ говоритъ, что дѣйствительность ввела его въ дѣйствительность, и что теперъ имъ всѣ довольны, и онъ всѣми доволенъ. Какъ извѣстно, онъ даже опредѣлился на службу въ межевой институтъ и наслаждался открывшейся передъ нимъ практической дѣятельностью. Но это отрадное настроеніе было непродолжительно. Въ октябрѣ 1839 г., т.-е. значитъ еще до напечатанія статьи о Бородинской битвѣ, Бѣлинскій испытывалъ, по его собственному признанію, тяжелыя нравственныя мученія. „Для меня никто не существовалъ,—говоритъ онъ,—ибо я самъ былъ мертвъ“. Это новое „распаденіе“, вѣроятно, было вызвано отчасти тѣмъ, что нелегко было отказаться ему отъ стараго, хотя и „абстрактнаго“, но все-таки свободолюбиваго идеала. Панаевъ и Герценъ рассказали въ своихъ воспоминаніяхъ, какіе волнующіе, полные потрясающаго драматизма разговоры пришлось вести Бѣлинскому со своими друзьями послѣ „примиренія съ дѣйствительностью“. Обнаружился въ этомъ тяжеломъ настроеніи также и недостатокъ личнаго счастья. Однако, все это сравнительно легко перенесъ бы Бѣлинскій, если бы философія Гегеля, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ усвоилъ ее тогда, могла въ самомъ дѣлѣ разрѣшить мучившіе его вопросы. Главная бѣда была въ томъ, что она не могла разрѣшить ихъ. Въ письмѣ къ Боткину, оконченному въ первыхъ числахъ февраля 1840 года, Бѣлинскій восклицаетъ: „Смѣшно и досадно, любовь Ромео и Юліи есть общее, а потребность любви или любовь читателя есть призрачное, частное. Жизнь въ книгахъ, а въ жизни ничто“. Почему жъ „въ жизни—ничто“? Когда же Гегель говорилъ это? Никогда! Но если задача мыслящаго человѣка сводится къ познанію и созерцанію „дѣйствительности“, то ему не остается ничего, кромѣ „жизни въ книгахъ“. „Абсолютные“ выводы Гегеля не могли удовлетворить Бѣлинскаго, и его неудовлетворенность ими снова вернула его къ тому „распаденію“, отъ котораго онъ надѣялся избавиться, „смирившись“ передъ дѣйствительностью.

Бѣлинскій надѣялся, что философія укажетъ ему путь къ чело-вѣческому счастью. А философія Гегеля,—повторяемъ и просимъ замѣтить: въ томъ видѣ, въ какомъ она была усвоена тогда Бѣлинскимъ,—утверждала, что „абсолютная“ цѣль историческаго движенія уже достигнута, и что, слѣдовательно, дальнѣйшіе разговоры о чело-вѣ-

ческомъ счастье являются праздною болтовней. Бѣлинскій сгоряча способенъ былъ смириться и передъ этимъ утверждениемъ; однако, оно слишкомъ противорѣчило его природѣ, чтобъ онъ долго могъ оставлять его безъ протеста. Изъ его переписки видно, что именно съ этой стороны онъ подходилъ къ разрыву съ „философскимъ колпакомъ Егора Ѳедоровича“. Въ письмѣ къ Боткину отъ 13-го іюня 1840 года онъ сообщаетъ, что „совершенно помирился съ французами“, которыхъ онъ, какъ мы знаемъ, превозносилъ въ эпоху своего фиктеанства и противъ которыхъ онъ гремѣлъ въ медовый мѣсяцъ своего увлеченія Гегелемъ. „Ихъ всемірно-историческое значеніе велико,—говоритъ онъ.—Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ“. И рядомъ съ этимъ примиреніемъ съ французами идетъ отвращеніе отъ русской, еще недавно столь любезной Бѣлинскому, дѣйствительности. Въ томъ же письмѣ мы читаемъ: „Любовь моя къ родному, къ русскому, стала грустиѣ: это уже не прекраснородушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло“. Какъ же можно „смириться“ передъ подобной дѣйствительностью? И Бѣлинскій уже не смиряется передъ нею. Въ письмѣ отъ 4-го октября 1840-го г. *) онъ восклицаетъ: „Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ челоуѣчества, яркая звѣзда спасенія, эмансипаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь челоуѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше челоуѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, что со мною было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающей“.

IV.

Письма Бѣлинскаго, относящіяся ко времени этого новаго и послѣдняго разрыва съ дѣйствительностью, производятъ такое сильное впечатлѣніе своимъ страстнымъ и симпатичнымъ тономъ, что подъ его вліяніемъ читатели нерѣдко упускаютъ изъ виду теоретическую сторону дѣла. Такъ, и до сихъ поръ еще многіе убѣждены, что, отбросивъ далеко отъ себя „философскій колпакъ Егора Ѳедоровича“, Бѣлинскій совершенно разстался съ философіей Гегеля. Но это совсѣмъ не такъ.

Уже послѣ своего возстанія противъ „колпака“ Бѣлинскій, проклиная свои статьи о Бородинѣ и о Менцелѣ, продолжалъ считать

*) Къ тому же Боткину. Предупреждаемъ читателя, что всѣ письма, которыя мы будемъ цитировать, не называя адрессата, писаны были Бѣлинскимъ именно къ этому своему московскому другу.

началомъ своей духовной жизни то время, когда онъ увлекался Гегелемъ. Онъ называетъ это время „лучшимъ, по крайней мѣрѣ, примѣчательнѣйшимъ временемъ“ своей жизни. Да и статью о Бородинской битвѣ онъ осуждаетъ не безусловно. Онъ говоритъ: „Идея, которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки „Очерки Бородинскаго сраженія“, вѣрна въ своихъ основаніяхъ“. Но онъ признаетъ теперь, что не сумѣлъ воспользоваться, какъ слѣдовало, этой въ основѣ вѣрной идеей: „Должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, и безъ котораго человѣчество превратилось бы въ стоячее и вонючее болото“. Развить идею отрицанія значило открыть, какимъ образомъ данная дѣйствительность процессомъ своего собственнаго развитія приводится къ своему отрицанію. Какъ ни гениаленъ былъ Бѣлинскій, онъ не могъ открыть это по той простой причинѣ, что онъ совсѣмъ не обладалъ необходимыми для этого данными: ихъ еще не было налицо въ слишкомъ неразвитой тогда русской жизни. Да и на Западѣ лучшіе передовые умы,—въ лицѣ такъ называемаго лѣваго крыла Гегелевой школы, а потомъ, и гораздо болѣе, въ лицѣ Маркса и Энгельса,—только еще намѣчали тотъ путь, который долженъ былъ привести къ пониманію процесса внутренняго развитія нынѣшняго общества. Поэтому Бѣлинскій, возставъ противъ „колпака“, сталъ „развивать идею отрицанія“ не путемъ діалектическаго анализа дѣйствительности, а путемъ апелляціи къ отвлеченному понятію человѣческой личности. „Пора,—писалъ онъ теперь,—конечно, въ одномъ изъ своихъ писемъ, такъ какъ цензура не позволила бы говорить это въ статьяхъ,—освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности, мнѣнія черни и преданія варварскихъ временъ“. По своему обыкновенію, онъ весь отдался овладѣвшей имъ новой мысли. „Личность человѣческая,—пишетъ онъ,—сдѣлалась пунктомъ, на которомъ боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество по-маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечомъ истребилъ бы остальную“. Подъ вліяніемъ этой любви къ человѣчеству,—которая, конечно, никогда его не покидала, но только приняла теперь новый видъ,—„неистовый Виссаріонъ“ скоро пришелъ къ социализму. Въ письмѣ отъ 8 сент. 1841 г. мы читаемъ: „Я теперь въ новой крайности,—это идея социализма, которая стала для меня идеей идей... альфою и омегою вѣры и знанія... Она для меня поглотила исторію и религію и философію. И потому ею я объясняю теперь мою жизнь, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни“.

Можно было бы думать, что хоть эта новая идея принесла съ собой Бѣлинскому столь давно имъ желанное нравственное успокоеніе. Увы! Въ томъ же самомъ письмѣ слышатся слѣдующія мрачныя ноты: „Безъ цѣли нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, а безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣлей и

дѣятельности—субстанція общественной жизни. Мы люди безъ отечества—нѣтъ, хуже, чѣмъ безъ отечества: мы люди, которыхъ отечество—призракъ, и диво ли, что сами мы—призраки?“

Откуда же брались теперь эти мрачныя ноты? Бѣлинскаго не удовлетворяла отвлеченная идея социализма. Онъ не даромъ не любилъ отвлеченностей и не даромъ прошелъ превосходную школу Гегелевой логики. Онъ не могъ забыть того, что „субстанція общественной жизни“ служитъ источникомъ интересовъ, цѣлей и дѣятельности. Что понимаетъ онъ подъ „субстанціей общественной жизни“? Не что иное, какъ совокупность общественныхъ отношеній. И когда онъ говоритъ, что эта „субстанція“ порождаетъ стремленія и дѣятельность человѣка, это у него значитъ, что онъ считаетъ серьезными и плодотворными только такія стремленія и только такую дѣятельность, которыя опираются на объективный ходъ общественнаго развитія. „Субстанція“ русской жизни враждебна прогрессивнымъ стремленіямъ и прогрессивной дѣятельности. Поэтому русскіе сторонники прогресса оказываются „призраками“.

Слово призраки намъ уже хорошо знакомо. Мы слышали его отъ Бѣлинскаго еще въ эпоху его увлеченія Фихте. Тогда этимъ словомъ онъ обозначалъ дѣйствительность. Во второмъ періодѣ своего развитія, т.-е. „смирившись“ передъ дѣйствительностью, онъ объявилъ призракомъ идеаль, вступающій въ противорѣчіе съ ней. Въ третьемъ актѣ своей умственной драмы онъ снова возсталъ противъ дѣйствительности, но люди, отрицающіе дѣйствительность во имя идеала, попрежнему представляются ему призраками. Разница только въ томъ, что прежде,—находясь подъ вліяніемъ знаменитаго „колпака“,—онъ не навидѣлъ эти „призраки“, а теперь,—отшвырнувъ отъ себя колпакъ,—онъ сочувствуетъ имъ отъ всей души и считаетъ самого себя однимъ изъ нихъ. Оказывается, стало быть, что возстаніе противъ дѣйствительности не вполнѣ „примирило“ его съ идеаломъ. Въ чемъ же дѣло?

Бѣлинскій признаетъ нравственную правомѣрность идеала, но не умѣетъ связать его съ „субстанціей“ русской дѣйствительности. Поэтому его идеаль опять оказывается абстрактнымъ и потому безсильнымъ. „Дѣйствительность разбудила насъ и открыла намъ глаза,—говоритъ Бѣлинскій въ томъ же письмѣ;—но для чего?.. Лучше бы она закрыла намъ ихъ навсегда, чтобы тревожныя стремленія жаднаго жизни сердца утолить сномъ ничтожества...“

Не встрѣчая въ тогдашней Россіи ни одного объективнаго начала, способнаго привести въ своемъ развитіи къ отрицанію „гносной дѣйствительности“, Бѣлинскій началъ ожесточаться даже противъ народа, которому онъ, разумѣется, отъ всей души сочувствовалъ. Въ письмѣ къ Боткину, по поводу смерти Кольцова, не мало пострадавшаго отъ деспотизма своего отца, Бѣлинскій спрашиваетъ: „Да и чѣмъ виноватъ этотъ отецъ, что онъ мужикъ? И что онъ

сдѣлать особаго?.. Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшеныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но не могу питать къ тому или иному личной ненависти.“ *)).

Мы опять видимъ Бѣлинскаго въ состояніи „распаденія“, не перестававшего мучить его чуть ли не съ самаго начала его сознательной жизни. Стараясь вылѣчиться отъ этой болѣзни, онъ утѣшаетъ себя надеждой на широкое развитіе „русской личности“ въ будущемъ. „Русская личность пока эмбрионъ,—писалъ онъ Боткину въ мартѣ 1847 года,—но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбриона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость... Не думай, чтобъ я въ этомъ вопросѣ былъ энтузіастомъ. Нѣтъ, я дошелъ до его рѣшенія тяжелымъ путемъ сомнѣній и отрицанія“. Это рѣшеніе являлось для него также нѣкоторымъ ручательствомъ за будущее всего русскаго народа. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ онъ говоритъ: „Мы не утверждаемъ за непреложное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себѣ все чуждое ему; но смѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемое безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія“.

V.

Это былъ тотъ же самый путь отрадныхъ догадокъ и пророчествъ, по которому такъ далеко ушли славянофилы и народники, Кавелинъ говоритъ, что однажды ему пришлось присутствовать при разговорѣ, въ которомъ Бѣлинскій выражалъ ту славянофильскую мысль, что Россія лучше Запада сумѣетъ разрѣшить историческій споръ труда съ капиталомъ. Утопическій социализмъ, къ которому склонился Бѣлинскій, разставшись съ „колпакомъ“ Гегеля, давалъ обильную пищу подобнымъ мечтаніямъ. Но Бѣлинскій самимъ характеромъ своего діалектическаго ума былъ застрахованъ отъ полнаго и продолжительнаго увлеченія ими. Въ цитированной нами статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“, онъ, защищая реформу Петра отъ славянофильскихъ нападокъ, замѣчаетъ: „Подобныя со-

*) Подобныя выходки его противъ „мужиковъ“ подали поводъ къ появленію въ нашей литературѣ того мифа, согласно которому въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскій былъ въ кружкѣ западниковъ представителемъ чуть ли не антидемократическаго,—или, по крайней мѣрѣ, равнодушнаго къ тяжелому положенію народа,—направленія, между тѣмъ какъ Грановскій и Герценъ представляли собою народолюбивыя тенденціи этого кружка (см. статью г. Ч. Вѣтринскаго: „Т. Н. Грановскій.—Западники и славянофилы въ 1844—45 гг.“). Мы наоборотъ, очень склонны думать, что крайній во всѣхъ своихъ чувствахъ, Бѣлинскій и глубиной симпатій къ угнетенному народу превосходилъ остальныхъ членовъ западническаго кружка.

бытія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобы быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ дать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Въмѣсто того, чтобы думать о невозможномъ и смѣшить всѣхъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизмѣнную дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями*. Въ другомъ мѣстѣ онъ, не закрывая глазъ на отрицательныя стороны петровскихъ реформъ, оговаривается: „Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средство къ выходу изъ него“. Онъ утверждаетъ, что средствъ для борьбы съ неблагоприятными послѣдствіями [петровскихъ реформъ надо искать въ самихъ этихъ реформахъ, т.-е. въ тѣхъ новыхъ элементахъ, которые были внесены ими въ русскую жизнь. Это—вполнѣ правильный взглядъ на вопросъ и, высказывая его, Бѣлинскій опять поднимался на ту теоретическую высоту, которой онъ достигалъ, ставя передъ собой, въ статьѣ о Бородинской битвѣ, задачу объясненія дѣйствительности ходомъ создавашаго ее историческаго движенія. И пока онъ держался на этой высотѣ онъ очень хорошо видѣлъ несостоятельность „абстрактнаго идеала“ и недостатки отвлеченнаго метода мышленія. Онъ говорилъ: „Безусловный или абсолютный методъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ или отвлеченнымъ“. Ошибка славянофиловъ, съ которыми онъ велъ такую жестокою войну въ то время, была, въ его глазахъ, прежде всего методологической ошибкой: „Они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результаты, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта и, находя листы безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить въ другое мѣсто и приложить къ нему другой уходъ. По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно“. Это паразитично мѣткое критическое замѣчаніе даетъ намъ возможность составить себѣ понятіе о томъ, какъ долженъ былъ бы Бѣлинскій отнестись къ народникамъ, цѣликомъ повторявшимъ методологическую ошибку славянофиловъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ концѣ своей жизни онъ совершенно отрицательно относился къ социалистамъ-утопистамъ, о которыхъ онъ говорилъ тогда, что они выродились изъ фантазіи гениальнаго Руссо. Луи-Бланъ, котораго онъ ставилъ когда-то очень высоко, сравнивается имъ теперь съ Шевыревымъ*). Надо замѣтить,

*) За его несправедливо отрицательное отношеніе къ Вольтеру. По поводу того же отношенія Бѣлинскій въ письмѣ къ Анненкову отъ 15-го февраля 1848 года выражается весьма энергично: „Читаю теперь романы Вольтера и ежеминутно плюю въ рожу дураку, ослу и скоту Луи-Блану“.

что взглядъ Луи-Блана на Вольтера былъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, вѣренъ самъ по себѣ, но онъ въ конецъ искажался тѣмъ, что въ немъ отсутствовала историческая перспектива. Мысль Бѣлинскаго съ особенной энергіей сосредоточивается теперь надъ выработкой той исторической перспективы, которая помогла бы ему прочно обосновать свои надежды на будущее. Это очень хорошо видно изъ его письма къ Анненкову отъ 15-го февр. 1848 года. Письмо это до такой степени важно для исторіи его умственного развитія, что мы считаемъ необходимымъ привести изъ него длинный отрывокъ:

„Изъ Руссо,—говоритъ Бѣлинскій,—я только читалъ его „Исповѣдь“ и, судя по ней, да и по причинѣ религіознаго обожанія словъ, возымѣлъ сильное омерзѣніе къ этому господину... Но что за благородная личность Вольтера! Какая горячая симпатія ко всему человѣческому, разумному, къ бѣдствіямъ простаго народа! Что онъ сдѣлалъ для человѣчества! Правда, онъ иногда называетъ народъ vile populace, но за то, что народъ невѣжественъ, суевѣренъ, изувѣръ, кровожаденъ, любитъ пытки и казни. Кстати: мой вѣрующій другъ и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ осель въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и наконецъ перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, что значитъ великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами“.

Кажется, какъ будто Бѣлинскій продолжаетъ стоять на отвлеченной точкѣ зрѣнія человѣческой личности. Это, повидимому, подтверждается словами: „всегда и все дѣлалось черезъ личности“, и тѣмъ убѣжденіемъ, что для Россіи нуженъ новый Петръ Великій. Но зачѣмъ же собственно онъ нуженъ? Только затѣмъ, чтобы дать новый толчокъ экономическому развитію Россіи. И въ этомъ заключается главнѣйшая особенность новой теоріи Бѣлинскаго. Будущее развитіе Россіи ставится теперь имъ въ за-

висимость отъ ея экономическаго развитія: для гражданскаго развитія Россіи необходимо превращеніе дворянства въ буржуазію. Мы видимъ теперь, что для развитія Россіи въ капиталистическомъ направленіи достаточно было экономическихъ послѣдствій той реформы, которая была сдѣлана историческимъ Петромъ. Но это не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ проницательности Бѣлинскаго; мы все-таки должны признать, что онъ совершенно правильно опредѣлилъ, гдѣ можетъ быть найдена разгадка будущей судьбы Россіи, какъ культурной страны *).

Невѣрно было и то, что народу, т.-е. собственно пролетариату, навсегда суждено оставаться пассивнымъ орудіемъ буржуазіи. Этотъ взглядъ Бѣлинскаго былъ невѣренъ по отношенію къ З. Европѣ; невѣренъ онъ былъ и по отношенію къ Россіи. Неизбѣжность развитія капитализма въ нашей странѣ не только не осуждала рабочій классъ на пассивность, но впервые отводила мѣсто, и притомъ чрезвычайно широкое мѣсто, для его исторической самодѣятельности. Однако, и тутъ ошибка Бѣлинскаго не такъ велика, какъ представляется съ перваго взгляда. Ее тоже слѣдуетъ разсматривать въ исторической перспективѣ. Вѣдь социалисты-утописты, которыхъ Бѣлинскій сравниваетъ теперь со славянофилами, тоже отводили „народу“ совершенно пассивную роль въ своихъ построеніяхъ: они тоже надѣялись только на высшіе классы. Лишь научный социализмъ правильно опредѣлилъ то участіе, которое суждено принять „народу“ въ прогрессивномъ развитіи современнаго общества. Бѣлинскій не дожилъ до той поры, когда научный социализмъ окончательно сложился въ стройную теорію. Но его гениальная мысль уже вскорѣ послѣ выступленія его на литературное поприще, поставила передъ нимъ такія теоретическія задачи, правильное рѣшеніе которыхъ прямымъ путемъ вело къ научному социализму. Именно потому у него и не могло быть продолжительнаго мира съ „абстрактнымъ идеаломъ“. Онъ говорилъ: „всѣ наши вожди Моисеи, а не Навины“. И его самого можно назвать Моисеемъ, стремившимся вывести себя и своихъ единомышленниковъ изъ бесплодной пустыни „абстрактнаго идеала“.

VI.

Переходя къ литературнымъ взглядамъ Бѣлинскаго, мы прежде всего замѣтимъ, что нѣмецкая философія имѣла на нихъ такое же рѣшающее вліяніе, какъ и на его общественные взгляды. Очень заблуждались тѣ историки нашей литературы, которые находили, что увлеченіе Бѣлинскаго Гегелемъ вредно повліяло на развитіе его эстетическихъ понятій. На самомъ дѣлѣ всѣ эти понятія именно

*) Въ своемъ „Дневникѣ“ Герценъ писалъ 17 мая 1844 г., что Бѣлинскій смотритъ съ отчаяніемъ на славянскій міръ, не понимая его. Теперь приходится сказать, что Бѣлинскій гораздо вѣрнѣе Герцена опредѣлялъ социологическія условія, необходимыя для дальнѣйшаго развитія Россіи въ частности и славянъ вообще.

сильными своими сторонами всецѣло коренились въ нѣмецкой философіи и въ частности въ философской системѣ Гегеля.

Вліяніе нѣмецкой философіи на развитіе нашей литературной критики начало сказываться еще раньше появленія Бѣлинскаго. Такъ, его непосредственный предшественникъ въ критической области, Надеждинъ справедливо считается проводникомъ въ нашу литературу эстетическихъ взглядовъ Шеллинга. Да и раньше Надеждина были у насъ писатели, сознававшіе, что именно въ нѣмецкой философіи слѣдуетъ искать указаній для выработки правильного взгляда на состояніе и задачи русской литературы. Скончавшійся въ мартѣ 1827 года Д. Веневитиновъ въ своей замѣткѣ „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“ говорилъ: „Итакъ, философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ—вотъ предметы, заслуживающіе особенное наше вниманіе, предметы тѣмъ болѣе необходимые для Россіи, что она еще нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ, и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности и слѣдственно своей нравственной свободы въ литературѣ, въ одной философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія“. Та же замѣтка объясняетъ намъ, почему тяготѣли къ нѣмецкой философіи мыслящіе люди того времени. Передъ Веневитиновымъ стояло два вопроса: „Какими силами двигается она (Россія. Г. П.) къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ?“ Русская литература не отвѣчала на эти вопросы, и, по замѣчанію Веневитинова, „безпечная толпа нашихъ литераторовъ“ даже не подозрѣвала ихъ важности. Нѣмецкая философія, конечно, тоже не занималась этими вопросами, поскольку они относились спеціально къ Россіи. Но она давала методъ, обѣщавшій привести къ ихъ рѣшенію. Держась точки зрѣнія развитія, она смотрѣла на литературу каждаго даннаго народа какъ на выраженіе его „духа“, въ свою очередь являющагося одной изъ ступеней въ развитіи абсолюта. Поэтому выработать правильный взглядъ на литературу даннаго народа значило придти къ пониманію его „духа“, т.-е. исторической роли. Отсюда видно, что литературные взгляды людей, усвоившихъ себѣ нѣмецкую философію, должны были находиться въ самой тѣсной связи съ ихъ философски-историческими, а слѣдовательно и публицистическими взглядами. И не удивительно, что Бѣлинскій, обладавшій, какъ мы видѣли, чутьемъ геніальнаго соціолога, оказался въ то же время и самымъ глубокомысленнымъ изъ нашихъ критиковъ.

Вліяніе нѣмецкой философіи замѣтно уже на первой его статьѣ „Литературныя мечтанія“, написанной значительно раньше его увлеченія Гегелемъ. „Каждый народъ,—говоритъ онъ тамъ,—вслѣдствіе непреложнаго закона провидѣнія, долженъ выражать своею жизнію одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его

существованіе ни къ чему не служить". Сообразно съ этимъ и литература каждаго даннаго народа,—если только она дѣйствительно заслуживаетъ названіе литературы,—представляетъ собой, по мнѣнію Бѣлинскаго, „собраніе такого рода художественно-словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ (хотя и безусловенныхъ) усилій людей, созданныхъ для искусства, дышащихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполне выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнію котораго они живутъ и духомъ котораго они дышатъ, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній". Русская литература еще не является выраженіемъ внутренней жизни русскаго народа. Въ ней было извѣстное число талантовъ и извѣстное число художественныхъ произведеній. Но исключенія, какъ бы блестящи они ни были, только подтверждаютъ собой общее правило. Наша литература была подражаніемъ западнымъ литературамъ. Потому Бѣлинскій говоритъ и „повторяетъ это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ“, что у насъ нѣтъ литературы. Онъ считаетъ своею нравственною обязанностью настойчиво доказывать это. „Благородная нищета,—воскликаетъ онъ,—лучше мечтательнаго богатства! Придетъ время — просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная фізіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье!“

Когда жъ у насъ будетъ литература? Она будетъ тогда, когда у насъ образуется общество, въ которомъ выразится фізіономія „могучаго русскаго народа“. Это не только литературная программа, а также программа желательнаго общественнаго развитія: Понятно поэтому, что рѣшеніе вопроса о нашей литературѣ сознательно связывается Бѣлинскимъ съ вопросомъ о ходѣ нашего общественнаго развитія со временъ Петра Великаго. Такимъ образомъ, уже въ первой своей статьѣ Бѣлинскій старается найти для своихъ литературныхъ сужденій философски - историческое, или, какъ мы сказали бы теперь, соціологическое основаніе.

Если литература служить выраженіемъ народной жизни, то первое требованіе, которое можетъ быть къ ней предъявлено критикой, состоитъ въ правдивости. Отсюда видно, какъ благодѣтельно было вліяніе нѣмецкой философіи на развитіе нашей критики. Нѣмецкая философія подготовила критику къ правильной оцѣнкѣ того реализма, который такъ блестяще расцвѣлъ въ нашей литературѣ съ появленіемъ Гоголя. Извѣстно, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ Гоголя Бѣлинскій. Въ замѣчательной статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, появившейся въ 1835 году въ „Телескопѣ“, Бѣлинскій такъ характеризуетъ достоинство этихъ повѣстей: „Совершенная истина жизни въ повѣстяхъ Гоголя тѣсно со-

единяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клеветаетъ на нее; онъ радъ выставить наружу все, что есть въ ней прекраснаго, человѣческаго, и въ то же время не скрываетъ ничего и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она у него настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его“. Но жизнь чрезвычайно разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, и нельзя требовать отъ всѣхъ художниковъ одинаковаго къ ней отношенія: одинъ подходитъ къ ней съ одной стороны, другой—съ другой. „Если Ганъ Исландецъ,—говоритъ Бѣлинскій,—можетъ существовать въ природѣ, чѣмъ онъ хуже какого-нибудь Карла Моора или даже маркиза Позы? Я люблю Карла Моора, какъ человѣка, обожаю Позу, какъ героя, и ненавижу Гана Исландца, какъ чудовище; но какъ созданія фантазіи, какъ частныя явленія общей жизни для меня всѣ равно прекрасны“. Въ этихъ строкахъ, опять взятыхъ нами изъ „Литературныхъ мечтаній“, полезно отмѣтить отношенія Бѣлинскаго къ Шиллеру; онъ „любитъ“ его Карла Моора и „обожаетъ“ маркиза Позу. Считалъ ли онъ тогда „Разбойниковъ“ и „Дона-Карлоса“ вѣрнымъ изображеніемъ жизни? Не совсѣмъ. Но онъ относилъ ихъ,—какъ и „почти всѣ драмы Шиллера“,—къ числу такихъ произведеній, „которыхъ предметъ есть жизнь дѣйствительная, но въ которыхъ эта жизнь какъ бы пересоздается и преобразуется или вслѣдствіе какой-нибудь любимой, задушевной мысли, или односторонняго, хотя и могучаго, таланта, или, наконецъ, отъ избытка пылкости, не дающей автору глубже и основательнѣе вникнуть въ жизнь и постичь ее такъ, какъ она есть, во всей ея полнотѣ“. Нѣсколькими строками ниже Бѣлинскій замѣчаетъ, что хотя Карлъ Мооръ говоритъ много, однако, въ его словахъ нѣтъ и тѣни фразеологіи: „Дѣло въ томъ, что здѣсь говорить не персонажъ, а авторъ, что въ цѣломъ этомъ созданіи нѣтъ истины жизни, но есть истина чувства; нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ драмы, но есть бездна поэзіи; ложны положенія, неестественны ситуаціи, но вѣрно чувство, но глубока мысль“. Это мѣсто очень важно. Высказанный въ немъ Бѣлинскимъ взглядъ на эстетическія достоинства драмъ Шиллера остался у нашего критика неизмѣннымъ до конца его жизни. И если, тѣмъ не менѣе, кореннымъ образомъ измѣнялось его отношеніе къ самому Шиллеру, то это объясняется перемѣнами въ публицистическихъ, а не въ эстетическихъ взглядахъ Бѣлинскаго. Мы сейчасъ увидимъ, какъ отразилась эта перемѣна на его критической дѣятельности, а теперь напомнимъ читателю, что въ статьяхъ, цитируемыхъ нами теперь, мы имѣемъ дѣло еще съ тѣмъ Бѣлинскимъ, который не только не мирился съ окружавшей его дѣйствительностью, но презиралъ ее и въ этомъ своемъ отрицательномъ настроеніи приближался къ тому періоду своей жизни, когда, увлекшись философіей Фихте, онъ объявилъ идеалъ дѣйствительностью, а дѣйствительность—призракомъ. Въ

этомъ отношеніи чрезвычайно характерно окончаніе его статьи „Ничто о ничемъ или отчетъ издателю „Телескопа“ за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы“. Мы тамъ читаемъ: „Литература есть народное самосознаніе, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ литература есть или скороспѣлый плодъ, или средство къ жизни, ремесло извѣстнаго класса людей. Если и въ такой литературѣ есть прекрасныя и изящныя созданія, то они суть исключительныя, а не положительныя явленія, а для исключеній нѣтъ правила...“

Съ точки зрѣнія человѣка, придающаго огромное значеніе идеалу, не можетъ казаться достойной уваженія такая дѣйствительность, которая въ своемъ развитіи еще не привела народъ къ самосознанію. И для такого человѣка естественно,—при извѣстныхъ привычкахъ ума,—объявить такую дѣйствительность призракомъ. Но объявить призракомъ непріятную дѣйствительность еще не значитъ покончить съ ней. Гдѣ путь, ведущій народъ къ самосознанію? Мы уже знаемъ, что въ эту эпоху Бѣлинскій видѣлъ такой путь въ просвѣщеніи. Намъ извѣстно также, что въ статьѣ „Литературныя мечтанія“ онъ высказалъ увѣренность въ томъ, что русское правительство очень серьезно озабочено интересами просвѣщенія. Но онъ, разумѣется, не могъ думать, что служители идеала имѣютъ право успокоиться на своей вѣрѣ въ просвѣтительныя намѣренія правительства. Нѣтъ, эти люди съ своей стороны должны работать на пользу просвѣщенія. Особенно много могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ литературныя критики. По тогдашнему мнѣнію Бѣлинскаго, критика должна поставить себѣ у насъ главнымъ образомъ просвѣтительную задачу. „У насъ,—писалъ онъ въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (1836),—принесетъ пользу критика высшая, трансцендентальная: она необходима; но она у насъ должна являться многорѣчивою, говорливою, повторяющею сама себя, толковитою. Ея цѣлью долженъ быть не столько успѣхъ науки, сколько успѣхъ образованности. Наша критика должна быть гувернеромъ общества и на простомъ языкѣ говорить высокія истины. Въ своихъ началахъ, она должна быть нѣмецкою, въ своемъ способѣ изложенія—французскою. Нѣмецкая теорія и французскій способъ изложенія—вотъ единственный способъ сдѣлать ее и глубокою и общедоступною“.

Подобно французскимъ просвѣтителямъ 18-го вѣка, Бѣлинскій держался тогда того убѣжденія, что „мнѣнія правятъ міромъ“. Увлеченіе субъективнымъ идеализмомъ Фихте было бы особенно благоприятно для яркаго литературнаго выраженія субъективнаго взгляда на исторію. Но внѣшнія обстоятельства сложились такъ, что именно въ эпоху этого увлеченія Бѣлинскій вынужденъ былъ прервать свою литературную дѣятельность. Въ октябрѣ 1836 года „Телескопъ“, выходящій въ этомъ году вмѣстѣ съ „Молвой“, былъ запрещенъ за напечатаніе знаменитаго перваго „философическаго письма“ Чаадаева, и Бѣлинскому представился прекрасный случай

проверить основательность своей надежды на просвѣтительныя намѣренія правительства. Тогда онъ, должно быть, съ особенной силой почувствовалъ себя и себѣ подобныхъ служителей идеала „нулями“. Тяжесть его положенія увеличивалась еще тѣмъ, что закрытіе „Телескопа“ лишило его почти всякихъ средствъ къ существованію. Но бѣдность, пережитая имъ въ то время, не остановила энергичной работы его мысли. Какъ уже сказано выше, въ 1837 году начинается его увлеченіе Гегелемъ, и когда весной 1838 года онъ вновь выступаетъ литературнымъ критикомъ на страницахъ „Московского Наблюдателя“,—на нѣкоторое весьма, впрочемъ, непродолжительное время попавшаго въ руки его друзей,—онъ говоритъ уже, какъ человѣкъ, презрительно повернувшійся спиной къ абстрактному идеалу и примирившійся съ дѣйствительностью.

Въ критической статьѣ, написанной по поводу 2-го изданія сочиненій Фонъ-Визина и 5-го изданія сочиненій Загоскина, Бѣлинскій вслѣдъ за Рѣтшеромъ опредѣляетъ задачи философской критики художественныхъ произведеній. „Художественное произведеніе,—говоритъ онъ тамъ,—есть органическое выраженіе конкретной мысли въ конкретной формѣ. Конкретная идея есть полная, всѣ свои стороны обнимающая, вполне себѣ ровная и вполне себя выражающая, истинная и абсолютная идея,—и только конкретная идея можетъ воплотиться въ конкретную, художественную форму. Мысль въ художественномъ произведеніи должна быть конкретно слита съ формою, т.-е. составлять съ ней одно, теряться, исчезать въ ней, проникать ее всю“. Сообразно съ этимъ философская критика художественнаго произведенія должна прежде всего опредѣлить идею, воплотившуюся въ немъ. Затѣмъ она должна убѣдиться въ томъ, что идея, вдохновившая собою художника, проникаетъ всѣ части разбираемаго произведенія. Въ истинно-художественномъ произведеніи нѣтъ ничего лишняго; всѣ его части составляютъ одно неразрывное цѣлое, и даже тѣ изъ нихъ, которыя повидимому чужды основной его идеѣ, служатъ для болѣе полного его выраженія. Для примѣра Бѣлинскій приводитъ „Отелло“, въ которомъ „только главное лицо выражаетъ идею ревности, а всѣ прочія заняты совершенно другими интересами и страстями; но, несмотря на то, основная идея драмы есть идея ревности, и всѣ лица драмы, каждое, имѣя свое особое значеніе, служатъ къ выраженію основной идеи“.

Полное пониманіе художественнаго произведенія возможно только чрезъ посредство философской критики, обязанность которой заключается въ томъ, чтобы найти въ частномъ и конечномъ проявленіи общаго и безконечнаго. Но историческая критика должна также умѣть опредѣлить историческое значеніе даннаго произведенія искусства. Есть не мало такихъ произведеній, которыя не имѣютъ большой цѣны въ художественномъ смыслѣ, но очень важны, какъ матеріалъ для исторіи искусства. Съ исторической точки зрѣнія разсматриваетъ Бѣлинскій многія явленія русской литературы. Кан-

темиръ, Сумароковъ, Херасковъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Капнистъ и прочіе важны въ глазахъ Бѣлинскаго, какъ „моменты развитія общественности“ въ Россіи“.

Съ той же точки зрѣнія пріобрѣтаетъ свое относительное достоинство и французская критика. Бѣлинскій упрекаетъ ее въ томъ, что она не признаетъ законовъ изящнаго и не обращаетъ вниманія на художественныя достоинства произведенія, ограничиваясь отысканіемъ въ немъ „момента гражданскаго и политическаго“. Недоволенъ Бѣлинскій и тѣмъ, что французская критика слишкомъ много занимается личностью писателя и виѣшними обстоятельствами его жизни. По его словамъ, для пониманія трагедій Эсхила и Софокла, намъ вовсе не нужно знать, что дѣлалось при этихъ писателяхъ въ Греціи. Въ художественныхъ произведеніяхъ французская критика ничего не объясняетъ; но она имѣетъ свою цѣну тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о произведеніяхъ, обладающихъ не художественнымъ, а историческимъ значеніемъ: таковы, напр., сочиненія Вольтера.

VII.

Въ этихъ замѣчаніяхъ Бѣлинскаго о французской критикѣ не мало вѣрнаго, но еще больше въ нихъ ошибочнаго. Упрекъ, направляемый имъ противъ французской критики, примѣнимъ напр., къ Сентъ Бѣву, который въ своихъ литературныхъ характеристикахъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ увлекался частными подробностями жизни писателей, не обращая надлежащаго вниманія на общій характеръ той исторической среды, въ которой они жили и дѣйствовали. Но Бѣлинскій былъ совершенно не правъ, говоря, что для пониманія греческой трагедіи нѣтъ нужды знать исторію Греціи, а достаточно выяснитъ себѣ роль греческаго народа въ абсолютной жизни человѣчества. Въ этой его ошибкѣ сказалась слабая сторона нѣмецкаго идеализма, объяснявшаго историческое движеніе человѣчества законами развитія „идеи“ и смотрѣвшаго на исторію, какъ на прикладную логику. Впрочемъ, въ лицѣ Гегеля абсолютный идеализмъ не всегда закрывалъ глаза на конкретныя причины внутренняго развитія человѣческихъ обществъ. Въ эту эпоху своей жизни Бѣлинскій гораздо больше Гегеля злоупотреблялъ апріорными логическими построеніями и пренебрегалъ фактами. Да оно и понятно. Мы уже знаемъ, что тогда онъ увлекался Гегелемъ, не какъ діалектикомъ, а какъ провозвѣстникомъ абсолютной истины. Съ точки зрѣнія такой истины онъ и смотрѣлъ тогда на литературу. „Задача истинной критики,—говоритъ онъ въ своемъ разборѣ „Очерковъ русской литературы“ Н. Полевого,—отыскать въ сужденіяхъ поэта общее, а не частное, человѣческое, а не людское, вѣчное, а не временное, необходимое, а не случайное, и опредѣлить на основаніи общаго, т.-е. идеи, цѣну, достоинство, мѣсто и важность поэта“. Но если критикъ нѣтъ дѣла до временнаго, то это значитъ, что она вообще можетъ

игнорировать историю. Тутъ Бѣлинскій опять заходилъ несравненно дальше своего учителя Гегеля. Онъ писалъ о Вольтѣрѣ: „Вольтѣръ въ своемъ сатанинскомъ могуществѣ, подъ знаменемъ конечнаго разсудка, бунтовалъ противъ вѣчнаго разума, ярясь на свое безсиліе постичь разсудкомъ постижимое только разумомъ, который есть въ то же время и любовь, и благодать, и откровеніе“. Съ этимъ не мѣшаетъ сопоставить слѣдующій отзывъ Гегеля о французскомъ освободительномъ движеніи 18-го вѣка,—движеніи, въ которомъ Вольтѣръ игралъ, какъ извѣстно, весьма выдающуюся роль: „Это былъ величественный восходъ солнца,—говорилъ Гегель.—Всѣ мыслящія существа радостно привѣтствовали наступленіе новой эпохи. Торжественное настроеніе господствовало надъ этимъ временемъ, и весь міръ проникся энтузіазмомъ духа, какъ будто совершилось впервые его примиреніе съ божествомъ“. Это совсѣмъ не похоже на то, что говоритъ Бѣлинскій. Но это было написано Гегелемъ-діалектикомъ, а не Гегелемъ-провозвѣстникомъ абсолютной истины. Гегель-провозвѣстникъ абсолютной истины вовсе не склоненъ былъ „радостно привѣтствовать“ приближеніе революціонныхъ событій. А вѣдь въ эпоху своего „примиренія съ дѣйствительностью“ нашъ критикъ шелъ именно за этимъ Гегелемъ.

Мы уже сказали, что, отбросивъ отъ себя „философскій колпакъ“ Гегеля, Бѣлинскій,—вопреки почти общепринятому мнѣнію объ этомъ эпизодѣ его жизни,—остался на точкѣ зрѣнія Гегелевой философіи. Разница была лишь въ томъ, что прежде онъ увлекался „абсолютными“ выводами Гегеля, а теперь сталъ примѣнять его діалектическій методъ. Это особенно замѣтно на развитіи его литературныхъ взглядовъ: они измѣнились преимущественно въ томъ смыслѣ, что въ нихъ проникъ элементъ діалектики.

Вотъ примѣръ. Помирившись съ дѣйствительностью, Бѣлинскій утверждалъ, что критика должна найти то „общее“ и „необходимое“, которое заключается въ художественномъ произведеніи. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“, т. е. уже въ самомъ концѣ своей дѣятельности, Бѣлинскій писалъ: „Поэтъ долженъ выражать не частное и случайное, но общее и необходимое“. Нельзя не видѣть, что это въ сущности одинъ и тотъ же взглядъ. Но въ этотъ взглядъ проникъ элементъ діалектики и произвелъ въ немъ чрезвычайно важныя измѣненія. Теперь Бѣлинскій уже не противопоставляетъ „общаго“ „временному“ и не отождествляетъ „временнаго“ со „случайнымъ“. Теперь у него выходитъ, что „общее“ развивается во времени, придавая временнымъ явленіямъ ихъ историческій смыслъ и ихъ существенное содержаніе. „Временное“ „необходимо“ именно потому, что необходимо развитіе „общаго“. „Случайно“ только то, что не имѣетъ никакого значенія для хода этого развитія. Такъ смотритъ теперь Бѣлинскій. И при внимательномъ чтеніи тѣхъ его сочиненій, которыя относятся ко времени, послѣдовавшему за возстаніемъ его противъ „философскаго колпака“, не трудно видѣть, что именно

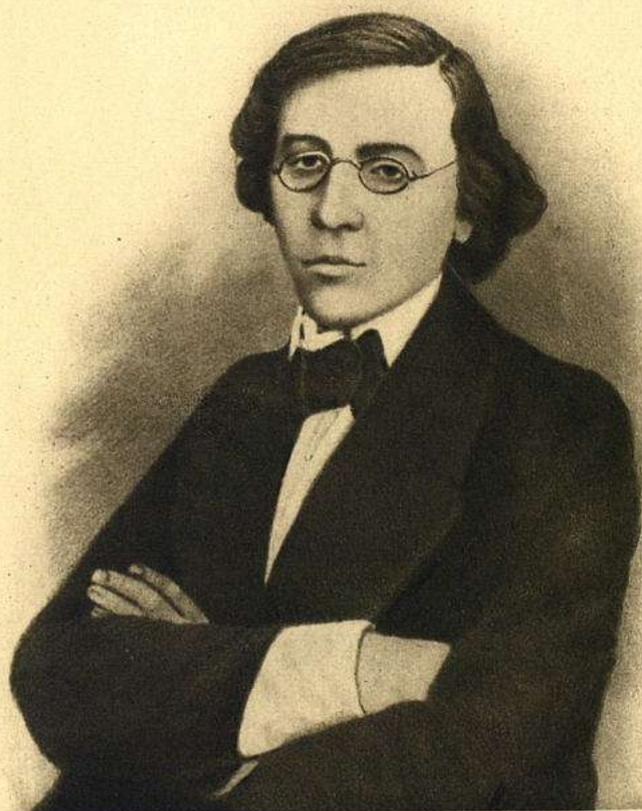
Н. Чернышевский
Николай Гаврилович Чернышевский.

Съ фотографіи 60-хъ гг.
(Изъ зала 40-хъ гг. въ Румянцевскомъ музеѣ.)

игнорировать историю. Тутъ Бѣлинскій опять заходитъ несравненно дальше своего учителя Гегеля. Онъ писалъ о Вольтерѣ: „Вольтеръ въ своемъ сатанинскомъ могуществѣ, подъ знаменемъ конечнаго разсудка, бунтовалъ противъ вѣчнаго разума, ярясь на свое безсиліе постичь разсудкомъ постижимое только разумомъ, который есть въ то же время и любовь, и блаженство, и откровеніе“. Съ этимъ не мѣшаетъ солоставить слѣдующій отзывъ Гегеля о французскомъ освободительномъ движеніи 18-го вѣка, — движеніи, въ которомъ Вольтеръ игралъ, какъ извѣстно, весьма видную роль: „Это былъ величественный восходъ солнца. — говорилъ Гегель. — Всѣ мыслящія сущности радостно привѣтствовали наступленіе новой эпохи. Торжественное настроеніе господствовало надъ этимъ временемъ, и такъ изрѣ проникъ натурализмъ духа, какъ будто совершилось впервые его примиреніе съ божествомъ“. Это совсѣмъ не похоже на то, что говоритъ Бѣлинскій. Но это было написано Гегелемъ-диалектикомъ, а не Гегелемъ-провозвѣстникомъ абсолютной истины. Гегель-провозвѣстникъ абсолютной истины вовсе не склоненъ былъ „радостно привѣтствовать“ приближеніе революціонныхъ событій. А вѣдь въ эпоху своего „примиренія съ дѣйствительностью“ нашъ критикъ шелъ именно за этимъ Гегелемъ.

Мы уже сказали, что, отбросивъ отъ себя „философскій колпакъ“ Гегеля, Бѣлинскій, — вопреки почти общепринятому мнѣнію объ этомъ эпизодѣ его жизни, — остался въ точкѣ зрѣнія Гегелевой философіи. Разница была лишь въ томъ, что прежде онъ увлекался „абсолютными“ выводами Гегеля, а теперь сталъ примѣнять его диалектическій методъ. Это особенно замѣтно на развитіи его литературныхъ взглядовъ: они измѣнились преимущественно въ томъ смыслѣ, что въ нихъ проникъ элементъ диалектики.

Вотъ примѣръ. Помирившись съ дѣйствительностью, Бѣлинскій утверждалъ, что критика должна найти то „общее“ и „необходимое“, которое заключается въ художественномъ произведеніи. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“, т. е. уже въ самомъ концѣ своей дѣятельности, Бѣлинскій писалъ: „Поэтъ долженъ выразить не частное и случайное, но общее и необходимое“. Нельзя не видѣть, что это въ сущности одинъ и тотъ же взглядъ. Но въ этотъ взглядъ проникъ элементъ диалектики и произвелъ въ немъ чрезвычайно важныя измѣненія. Теперь Бѣлинскій уже не противопоставляетъ „общаго“ „временному“ и не отождествляетъ „временнаго“ съ „случайнымъ“. Теперь у него выходитъ, что „общее“ развивается во времени, придавая временнымъ явленіямъ ихъ историческій смыслъ и ихъ существенное содержаніе. „Временное“ „необходимо“ именно потому, что необходимо развитіе „общаго“ и „необходимаго“ только то, что не имѣетъ никакого значенія для хода этого развитія. Такъ смотритъ теперь Бѣлинскій. И при внимательномъ чтеніи этого сочиненія, которая относится къ времени, послѣдовавшему за возстаніемъ его противъ „философскаго колпака“, не трудно, какъ извѣстно, изъяснить

Н. Терехинский

указанной нами переменѣной въ основныхъ его философскихъ взглядахъ,—т.-е. проникновеніемъ въ нихъ діалектическаго элемента,—обусловливаются самыя важныя изъ переменѣнъ, совершившихся въ его литературныхъ взглядахъ.

Покинувъ „абсолютную“ точку зрѣнія, Бѣлинскій сталъ иначе, нежели прежде, смотрѣть на историческое развитіе искусства. Уже въ замѣчательной статьѣ о Державинѣ, относящейся къ 1843 году, онъ писалъ: „Нѣтъ идей, которыя и оставались бы идеями; но всякая идея осуществляется, какъ фактъ, какъ предметъ или какъ дѣйствіе. Осуществленіе идеи въ фактъ имѣеть свои непреложные законы, изъ которыхъ главнѣйшій—послѣдовательность и постепенность. Ничто не является вдругъ, ничто не рождается готовымъ, но все, имѣющее идею своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени переходя на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ человѣчествѣ. Природа явилась не вдругъ готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія... Тотъ же законъ существуетъ и для искусства“. Такъ какъ содержаніемъ искусства служить та же вѣчная идея, которая своимъ діалектическимъ развитіемъ опредѣляетъ все историческое движеніе человѣчества, то понятно, что развитіе искусства тѣсно связано со всѣмъ развитіемъ общественной жизни. Великій поэтъ только потому и великъ, что является органомъ и выразителемъ своего времени и своего общества. „Чтобы разгадать загадку мрачной поэзіи такого необъятно-колоссальнаго поэта, какъ Байронъ,—говоритъ Бѣлинскій,—должно сперва разгадать тайну эпохи, имъ выраженной, а для этого должно факеломъ философіи освѣтить историческій лабиринтъ событій, по которому шло человѣчество къ своему великому назначенію—быть олицетвореніемъ вѣчнаго разума, и должно опредѣлить философски градусъ широты и долготы того мѣста пути, на которомъ засталъ поэтъ человѣчество въ его историческомъ движеніи. Безъ того всѣ ссылки на событія, весь анализъ нравовъ и отношеній общества къ поэту и къ самому себѣ ровно ничего не объясняютъ“.

Теперь Бѣлинскій готовъ, кромѣ того, считается также съ вліяніемъ географической среды,—не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ этихъ словъ,—хотя впрочемъ, эта сторона предмета слишкомъ мало разработана въ его сочиненіяхъ.

Въ эпоху своего увлеченія абстрактнымъ идеаломъ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, „любилъ“ героев Шиллера. „Смирившись“ передъ дѣйствительностью, онъ писалъ, что первыя произведенія Шиллера,—т.-е. тѣ самыя, героевъ которыхъ прежде такъ „любилъ“ Бѣлинскій,—рѣшительно безнравственны въ отношеніи къ абсолютной истинѣ и высшей нравственности. Шиллеръ въ нихъ „хотѣлъ“ осуществить вѣчныя истины, и осуществилъ свои личныя и ограниченныя убѣжденія, отъ которыхъ потомъ самъ отказался. Такъ какъ онъ въ нихъ задалъ себѣ задачу и назначилъ цѣль внѣ искусства,

то изъ нихъ и вышли поэтическіе недоноски и уроды, явленія совершенно ничтожныя въ области искусства". Послѣ своего возстанія противъ Гегеля, Бѣлинскій называетъ Шиллера благороднымъ адвокатомъ челоуѣчества, яркой звѣздой спасенія и т. д. Кажется, нельзя измѣниться рѣзче въ своихъ отношеніяхъ къ писателю. Но это только такъ кажется.

Почему Бѣлинскій опять превозноситъ теперь Шиллера? Потому что онъ увлекается теперь идеей „личности“, которая для него „выше исторіи, выше общества, выше челоуѣчества“. Онъ не запрещаетъ теперь мыслящей личности возставать противъ дѣйствительности; наоборотъ, онъ восхищается ея протестомъ противъ „кровавыхъ предразсудковъ преданія“. вмѣстѣ съ этимъ измѣняются и его сужденія о писателяхъ, поэтически выражающихъ стремленія личности, борющейся съ общественными предразсудками. Въ этомъ и заключается вся тайна переменъ въ его отношеніи къ Шиллеру. Бѣлинскій не называетъ теперь его драмъ безнравственными; онъ даже очень хвалитъ ихъ, но хвалитъ съ особенной точки зрѣнія. Онъ называетъ шиллеровскія драмы великими вѣковыми созданіями, тутъ же прибавляя, однако, что ихъ не должно смѣшивать съ настоящей драмой новаго міра. Это значитъ, что онѣ плохи, какъ драмы, и хороши лишь, какъ лирическія произведенія. Вотъ почему Бѣлинскій и замѣчаетъ: „Надо быть слишкомъ великимъ лирикомъ, чтобы свободно ходить на котурнѣ шиллеровской драмы: простой талантъ, взобравшійся на ея котурнѣ, непременно падаетъ съ него прямо въ грязь. Вотъ отчего всѣ подражатели Шиллера такъ приторны, пошлы и несносны“.

Иначе сказать, на драмы Шиллера, какъ на таковыя, Бѣлинскій всегда смотрѣлъ одними и тѣми же глазами. Измѣнялось только его отношеніе къ свойственному этимъ драмамъ субъективному элементу. Въ эпоху своего „примиренія“ съ дѣйствительностью Бѣлинскій сводилъ роль субъекта къ созерцанію объективнаго разума этой дѣйствительности; все, что выходило за предѣлы этой созерцательной роли, осуждалось имъ, какъ промахъ незрѣлаго субъективнаго „мнѣнія“. А въ эпоху своего возстанія противъ дѣйствительности онъ не могъ не сочувствовать тѣмъ „личностямъ“, которыя, подобно ему, боролись съ рутинной. Въ третьемъ періодѣ своей жизни онъ сочувствовалъ тому, что рѣзко осуждалось имъ во второмъ ея періодѣ и что нерѣдко вдохновляло его въ первомъ ея періодѣ. Но на литературныя его сужденія эти переменныя вліяли мало, а если и вліяли, то развѣ лишь въ смыслѣ углубленія этихъ сужденій. Говоря это, мы имѣемъ въ виду особенно второй періодъ его развитія. Вотъ, на примѣръ, въ высшей степени важно слѣдующее мѣсто въ его статьѣ „Объ очеркахъ Бородинскаго сраженія“: „Мы думаемъ и убѣждены, что уже проходитъ въ нашей литературѣ время безотчетныхъ возгласовъ съ „ахами“ и восклицательными знаками и точками для выраженія глубокихъ идей безъ всякаго смысла; что проходитъ уже время великихъ истинъ, съ диктаторской важностью

изрекаемыхъ и ни на чемъ не основывающихся, ничѣмъ не подтверждающихся, кромѣ личнаго мнѣнія и произвольныхъ понятій мнимаго мыслителя... Вопросъ не въ томъ, какъ кажется, а въ томъ, какъ есть въ самомъ дѣлѣ, и этотъ вопросъ можетъ рѣшаться не мнѣніемъ, а мыслью. Мнѣніе опирается на случайномъ убѣжденіи случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла и которая сама по себѣ—очень неважная вещь; мысль опирается на самой себѣ, на собственномъ внутреннемъ развитіи изъ самой себя, по законамъ логики“.

Противопоставлять то, что есть на самомъ дѣлѣ, тому, что только кажется, значить отвергать приговоры, постановляемые во имя отвлеченныхъ понятій, и стремиться обосновать свои сужденія помощью анализа объективной дѣйствительности. Нечего и говорить, что отъ подобнаго стремленія Бѣлинскій, какъ литературный критикъ, ровно ничего не терялъ, а очень много выигрывалъ.

Одинъ изъ нашихъ историковъ литературы высказалъ ту мысль, что въ эпоху своего „примиренія“ съ дѣйствительностью Бѣлинскій отвергалъ всю „субъективную лирику“. Но всякая лирика субъективна. А между тѣмъ Бѣлинскій никогда не отвергалъ лирики Гёте или Кольцова.

VIII.

Постараемся въ немногихъ словахъ формулировать эстетическій кодексъ нашего критика.

Первый законъ этого кодекса гласить, что поэтъ долженъ показывать, а не доказывать, мыслить образами, а не силлогизмами. Этотъ законъ вытекаетъ изъ того опредѣленія поэзіи, согласно которому она есть непосредственное созерцаніе истины или мышленіе въ образахъ.

Но если предметъ поэзіи есть истина, то правдивость составляетъ первое условіе художественнаго творчества, а красота заключается въ истинѣ и простотѣ. Поэтъ долженъ изображать жизнь, какъ она есть, не прикрашивая ея и не искажая. Это второй законъ художественнаго кодекса Бѣлинскаго.

По смыслу его третьяго закона, идея, лежащая въ основѣ художественнаго произведенія, должна быть конкретной идеей, охватывающей весь предметъ, а не какую-либо его сторону.

Въ силу четвертаго закона форма художественнаго произведенія должна соотвѣтствовать его идеѣ, а идея—формѣ.

Наконецъ, единству мысли должно соотвѣтствовать единство формы. Это значить, что всѣ части художественнаго произведенія должны составлять одно гармоническое цѣлое. Это пятый и, если не ошибаемся, послѣдній основной законъ эстетическаго кодекса Бѣлинскаго.

Противъ этого кодекса трудно возразить что-либо по существу. Какъ не признать, что форма художественнаго произведенія должна

соотвѣтствовать его идеѣ, или что поэтъ мыслить образами, а не силлогизмами? Но этотъ кодексъ не помѣшалъ Бѣлинскому осудить французскую „классическую“ трагедію, а это осужденіе было несомнѣнной ошибкой. Еще въ статьѣ о сочиненіяхъ Державина (1843 г.) Бѣлинскій писалъ: „Задача истинной эстетики состоитъ не въ томъ, чтобы опредѣлить, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна разсуждать объ искусствѣ, какъ о чемъ-то предполагаемомъ, какъ о какомъ-то идеалѣ, который можетъ осуществиться только по ея теоріи; нѣтъ, она должна разсматривать искусство, какъ предметъ, который существовалъ давно до нея и существованію котораго она сама обязана своимъ существованіемъ“. Это какъ нельзя болѣе справедливо. Но, обдумывая свой эстетическій кодексъ, Бѣлинскій не всегда помнилъ золотое правило, высказанное имъ въ только что приведенныхъ нами строкахъ. Въ его литературныхъ сужденіяхъ давала иногда чувствовать себя нѣкоторая апіорность, сказывавшаяся именно во взглядѣ на искусство, какъ на какой-то идеалъ, который можетъ осуществиться только по данной теоріи. Чтобы понять происхожденіе этого недостатка, надо помнить, что, вырабатывая свой кодексъ, Бѣлинскій стоялъ на точкѣ зрѣнія нѣмецкой идеалистической эстетики, которая, какъ и вся вообще нѣмецкая идеалистическая философія, при всѣхъ огромныхъ достоинствахъ своихъ страдала именно апіорностью. Если мыслитель смотритъ на исторію вообще, а стало быть, и на исторію искусства въ частности, какъ на прикладную логику, то очень естественно, что у него нерѣдко является искушеніе строить а priori такія положенія, которыя могли бы быть правомѣрны лишь въ качествѣ выводовъ изъ фактовъ. Бѣлинскому, какъ и Гегелю, случалось поддаваться такому искушенію.

Къ этому надо прибавить, что по причинамъ, которыя мы не можемъ разсматривать здѣсь, нѣмецкіе эстетики еще со временъ Лессинга вели болѣе или менѣе рѣшительную борьбу съ французскимъ классицизмомъ, и что эта борьба обуславливала собою нѣкоторую односторонность въ ихъ взглядѣ на французскую классическую литературу. Эта односторонность отчасти заразила собой и Бѣлинскаго, литературные взгляды котораго сложились подъ преобладающимъ вліяніемъ нѣмецкой философской эстетики.

Но это—частности. Въ общемъ, необходимо признать, что, именно опираясь на свой кодексъ, Бѣлинскій могъ оказать русской литературѣ огромныя услуги, отбросивъ, по выраженію А. Н. Пыпина, старый романтическій хламъ и проложивъ путь для утвержденія реализма гоголевской школы. Ко всему этому надо прибавить, что и самъ Бѣлинскій не всегда одинаково интерпретировалъ свой эстетическій кодексъ.

Вотъ примѣръ. Идея художественнаго произведенія должна охватывать предметъ со всѣхъ сторонъ. Что это значитъ? Въ „примирительную“ эпоху это значило у Бѣлинскаго то, что поэтическое произведеніе должно изображать „разумность“ окружающей поэта

дѣйствительности. Если жъ оно приводитъ насъ къ той мысли, что дѣйствительность не совѣмъ разумна, то это показываетъ, что въ немъ изображена только одна сторона предмета. Такое истолкованіе указаннаго эстетическаго закона узко и неправильно. Идея ревности не охватываетъ всѣхъ отношеній, существующихъ между мужчиной и женщиной въ цивилизованномъ обществѣ. Такой конкретной идеи, которая со всѣхъ сторонъ охватывала бы то или другое отношеніе между людьми, не можетъ быть: жизнь слишкомъ сложна для этого. Бѣлинскій понялъ это, покинувъ свою абсолютную точку зрѣнія, и потому онъ сталъ восхищаться, напр., Жоржъ-Сандъ, произведенія которой прежде казались ему односторонними.

Перемены въ общественныхъ взглядахъ Бѣлинскаго сильнѣе всего должны были отражаться, конечно, на его понятіи о роли искусства въ общественной жизни. Во второмъ періодѣ Бѣлинскій утверждалъ, что искусство само себѣ служить цѣлью. Въ послѣднемъ періодѣ,—въ этомъ отношеніи послѣдній его періодъ сближается съ первымъ, отличаясь отъ него гораздо болѣе яркимъ оттѣнкомъ одной и той же мысли,—онъ оспариваетъ такъ называемую теорію чистаго искусства, доказывая, что мысль объ искусствѣ, отрѣшенномъ отъ жизни, есть мысль отвлеченная и мечтательная, которая могла родиться только у народа, чуждаго живой общественной дѣятельности. Однако, и теперь онъ не перестаетъ твердить, что искусство прежде всего есть искусство, т.-е. „воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ бы вновь созданный міръ“. Разница лишь въ томъ, что прежде,—во второмъ періодѣ,—онъ смотрѣлъ на обязанность художника съ абсолютной точки зрѣнія, а теперь онъ смотритъ на нее съ точки зрѣнія діалектической и потому понимаетъ, что воспроизводящій дѣйствительность художникъ самъ находится подъ ея вліяніемъ. „Личность Шекспира,—говоритъ онъ,—просвѣчиваетъ сквозь его творенія, хотя и кажется, что онъ такъ же равнодушенъ къ изображаемому имъ міру, какъ и судьба, спасающая или губящая его героевъ. Въ романахъ Вальтеръ-Скотта, невозможно не увидѣть въ авторѣ челоуѣка болѣе замѣчательнаго талантомъ, нежели сознательно-широкимъ пониманіемъ жизни, тори, консерватора и аристократа по убѣжденію и привычкамъ. Личность поэта не есть что-нибудь безусловное, особо стоящее, внѣ всякихъ вліяній извнѣ... Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ“. Прежде Бѣлинскому нравилась мысль извѣстнаго стихотворенія Пушкина „Чернь“, теперь онъ возмущается ею. „Кто поэтъ для себя и про себя, презираетъ толпу,—говоритъ онъ въ своей пятой статьѣ о Пушкинѣ,—тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній“. Не нравилась теперь Бѣлинскому и мысль пушкинскаго „Поэта“. Поэтъ долженъ быть чистъ не только тогда, когда Аполлонъ потребуетъ его къ своей священной жертвѣ, но и всегда, въ теченіе всей своей жизни. Отрицательное отношеніе къ теоріи искусства для искусства

представляет собой самое крепкое из тех звеньев, которые связывали критику Бѣлинскаго съ критикой 60-хъ и 70-хъ годовъ. На немъ слѣдуетъ остановиться.

Бѣлинскій не всегда былъ справедливъ въ своемъ отношеніи къ Пушкину. Онъ думалъ, что у Пушкина слово чернь означаетъ народную массу, но такъ ли это? Въ статьяхъ и письмахъ самого Бѣлинскаго нерѣдко встрѣчаются нападки на чернь и на толпу. Можно ли было бы на этомъ основаніи упрекнуть его въ презрѣніи къ народу? Въ „Отвѣтъ анониму“ Пушкинъ восклицаетъ:

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта,
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра...

„Свѣтъ“ не „народъ“, не совокупность бѣдняковъ, „живущихъ трудами рукъ своихъ“.

Мысль стихотворенія „Поэтъ“, тоже врядъ ли была правильно понята Бѣлинскимъ. Пушкинъ не даетъ въ немъ поэтамъ разрѣшенія быть пошляками до техъ поръ, пока Аполлонъ не потребуетъ ихъ къ жертвѣ. Онъ только говоритъ, что даже зараженный пошлостью человѣкъ способенъ возрождаться подъ вліяніемъ вдохновенія. Эта мысль выражена въ „Египетскихъ ночахъ“; это вѣрная и глубокая мысль.

Вообще возраженія Бѣлинскаго сторонникамъ чистаго искусства мало убѣдительны. Онъ нерѣдко запутывался въ собственныхъ доводахъ. Чѣмъ же объясняются эти промахи гениальнаго ума?

Возставши противъ Гегеля, Бѣлинскій перешелъ на точку зрѣнія человѣческой личности. Но понятіе личности—отвлеченное понятіе. Мы уже знаемъ, что грудь Бѣлинскаго плохо дышала въ атмосферѣ отвлеченности, и что онъ до конца своей жизни стремился доработаться до конкретнаго міросозерцанія. Это стремленіе чрезвычайно благотворно отразилось какъ на общественныхъ, такъ и на литературныхъ его взглядахъ. Но онъ не всегда былъ вѣренъ ему; недовольство „гнусной расейской дѣйствительностью“ приводило его иногда къ такимъ сужденіямъ, въ основѣ которыхъ лежали только тѣ или другія отвлеченныя понятія. Такія сужденія были всегда благородны съ нравственной стороны, но часто неудовлетворительны—съ теоретической. Къ ихъ числу принадлежатъ и вышеуказанныя сужденія Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Пушкинъ такой поэтъ, для пониманія котораго необходимо покинуть отвлеченную точку зрѣнія.

Но это въ концѣ-концовъ были только отдѣльные промахи. Въ общемъ и цѣломъ даже статьи о Пушкинѣ,—и даже въ особенности эти замѣчательныя статьи,—показываютъ, въ какой сильной степени удалось ему въ послѣднемъ періодѣ своей жизни разрѣшить ту задачу, которую онъ ставилъ передъ литературной критикой еще въ статьѣ о бородинской годовщинѣ: руководствоваться

не тѣмъ, что кажется, а тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ, не мнѣніемъ, а мыслью.

Но когда онъ сталъ приближаться къ рѣшенію этой задачи, то обнаружилось, что она имѣетъ не тотъ видъ, въ какомъ она ему представлялась прежде. Прежде онъ думалъ, что мысль опирается на самое себя, на собственное внутреннее развитіе изъ самой себя, по законамъ „логики“. И въ этомъ убѣжденіи,—заимствованномъ у Гегеля,—онъ оставался еще долго послѣ того, какъ возсталъ противъ дѣйствительности. Но къ концу своей жизни онъ совсѣмъ разстался съ идеализмомъ Гегеля и сталъ склоняться къ матеріализму Фейербаха *). А по ученію матеріализма сознание развивается не изъ самого себя: его развитіе обуславливается бытіемъ. Правда, эта истина не была приложена Фейербахомъ къ объясненію исторіи вообще и исторіи идеологій въ частности. Но этотъ пробѣлъ фейербаховскаго матеріализма отчасти пополнялся въ томъ, что касается искусства, самимъ Гегелемъ, который въ своей „Эстетикѣ“, несмотря на свою идеалистическую склонность къ апіорнымъ построеніямъ, все-таки довольно часто прибѣгалъ къ чисто матеріалистическому объясненію развитія искусства развитіемъ общественныхъ отношеній. Къ тому же Бѣлинскій самъ умѣлъ дѣлать надлежащіе выводы изъ разъ найденныхъ посылокъ. Какъ уже отмѣчено выше, въ своемъ послѣднемъ періодѣ онъ ставилъ развитіе искусства въ причинную связь съ „общимъ характеромъ эпохи“, т. е. съ характеромъ свойственнаго этой эпохѣ общественнаго движенія. Конечно, онъ выражался

---

*) Это особенно замѣтно въ его статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“, гдѣ онъ излагаетъ нѣкоторыя основныя положенія Фейербаховой философіи. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?—Прекрасно!—такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи передъ этой массой мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственные отправленія, откуда по всему организму распространяются черезъ позвоночный хребетъ нити нервовъ, которые суть органы ощущеній и чувствъ, и которые исполнены какихъ-то до того тонкихъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матерьяльнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе, вы будете удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или,—что, еще хуже—сочините свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, не опирающаяся на физиологію, такъ же несостоятельна, какъ и физиологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовлетворялась и этимъ: химическимъ анализомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбриономъ (зародышемъ) прослѣдить физическій процессъ нравственнаго развитія“. И далѣе „Умъ безъ плоти, безъ фізіономіи, умъ не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ; умъ—это человѣкъ въ тѣлѣ, или, лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, личность“. Нельзя не узнать здѣсь основныя положенія философіи Фейербаха, хотя видно, что новая—матеріалистическая система понятій еще не вполне усвоена Бѣлинскимъ, и потому онъ выражается иногда довольно неточно. Въ литературномъ обзорѣ слѣдующаго года, написанномъ, можно сказать, наканунѣ смерти, Бѣлинскій, говоря о задачахъ нашей литературы, опять высказываетъ взгляды, свидѣтельствующіе о вліяніи на него Фейербаха. Но смерть не дала вполне упрочиться этому новому вліянію. Полнымъ и послѣдовательнымъ представителемъ взглядовъ Фейербаха, явился въ нашей литературѣ, горячій поклонникъ Бѣлинскаго—Н. Г. Чернышевскій.

тутъ довольно неопредѣленно, и эта неопредѣленность свидѣтельствовала о неясности его относящихся сюда взглядовъ. Но неясность взглядовъ объясняется ихъ неразработанностью, а разработанными взгляды эти и не могли быть въ то время. Важно было уже то, что мысль Бѣлинскаго и здѣсь умѣла опредѣлить надлежащее направленіе, а также то, что даже свой неразработанный взглядъ Бѣлинскій примѣнялъ иногда въ своихъ критическихъ статьяхъ поистинѣ блестящимъ образомъ.

IX.

Это показываютъ между прочимъ тѣ же статьи о Пушкинѣ, слабыя стороны которыхъ были указаны нами выше. По словамъ Бѣлинскаго, Пушкинъ принадлежалъ къ той школѣ искусства, пора которой миновала не только въ Европѣ, но даже и въ Россіи. Исторія опередила Пушкина, лишивъ значительную часть его произведеній того животрепещущаго интереса, который возбуждается тревожнымъ вопросомъ настоящаго времени. Бѣлинскій смотрѣлъ на Пушкина какъ на поэта дворянскаго сословія. „Вездѣ,—говорилъ онъ,—вы видите въ немъ человѣка, душой и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, вездѣ видите русскаго помѣщика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что противорѣчитъ гуманности, но принципъ класса для него вѣчная истина... И потому въ самой сатирѣ его такъ много любви, самое отрицаніе его такъ похоже на одобреніе и на любованіе... Это было причиной, что въ „Онѣгинѣ“ многое устарѣло теперь. Но безъ этого, можетъ быть, и не вышло бы изъ „Онѣгина“ такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого опредѣленнаго факта для отрицанія мысли, въ самомъ же этомъ обществѣ такъ быстро развивающейся“.

Объясняя поэзію Пушкина общественнымъ положеніемъ Россіи и историческимъ состояніемъ того сословія, къ которому принадлежалъ нашъ великій поэтъ, Бѣлинскій далеко опережалъ нашу передовую критику 60-хъ и 70-хъ годовъ, главный недостатокъ которой состоялъ въ томъ, что она смотрѣла на литературныя явленія исключительно съ публицистической, а не съ социологической точки зрѣнія. Въ статьяхъ Бѣлинскаго, написанныхъ въ послѣдніе годы его дѣятельности, заключается цѣлая программа, которая до сихъ поръ еще не выполнена нашей литературной критикой и которая только тогда будетъ выполнена ею, когда она сумѣетъ цѣликомъ стать на социологическую точку зрѣнія. Это опять свидѣтельствуетъ о гениальной силѣ его мысли.

Не мѣшаетъ отмѣтить здѣсь еще одно обстоятельство, насколько мы знаемъ, до сихъ поръ упускаемое изъ виду историками нашей литературы. Въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій настойчиво проповѣдуетъ „исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ“ (обзоръ литературы за 1847 г.).

А между тѣмъ, очень хорошо извѣстно, что въ то время онъ рѣшительно воевалъ съ „рассейской“ дѣйствительностью (достаточно указать на его знаменитое письмо къ Гоголю). Это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ,—и только тѣмъ,—что теперь онъ въ своихъ критическихъ статьяхъ держится уже не Гегелева, а Фейербахова понятія о дѣйствительности. Это понятіе отлично отъ понятія Гегеля о томъ же предметѣ: по Фейербафу, дѣйствительность есть то, что составляетъ истинную сущность предмета, не искажаемую фантазіей. И если Бѣлинскій привѣтствуетъ появленіе „натуральной школы“, то именно потому, что она была, по его выраженію, не риторической, а естественной. Послѣ Бѣлинскаго, уже понятіе о дѣйствительности отстаивалъ Чернышевскій.

Мы не останавливаемся на драмѣ Бѣлинскаго, „Пятидесятилѣтній дядюшка“. О ней можно сказать одно: она показываетъ, что одаренный гениальной способностью „мыслить силлогизмами“, Бѣлинскій былъ слабъ въ „мысленіи образами“. Еще менѣе вниманія заслуживаетъ юношеское стихотвореніе нашего автора: „Русская быль“, напечатанная въ „Листкѣ“ 27 мая 1831 года. О своихъ стихотворныхъ попыткахъ самъ Бѣлинскій отзывался въ послѣдствіи очень юмористически.

Резюмируемъ. Бѣлинскій взялся за работу литературнаго критика, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкой философіи. Въ эпоху своего „примиренія“ съ дѣйствительностью, совершившагося подъ вліяніемъ той же философіи, онъ задался цѣлью найти объективныя основы для критики художественныхъ произведеній и поставить эти основы въ связь съ логическимъ развитіемъ абсолютной идеи. Эти искомыя объективныя основы онъ нашелъ въ нѣкоторыхъ законахъ изящнаго, формулированныхъ нами выше подъ именемъ эстетическаго кодекса Бѣлинскаго. Въ этихъ законахъ очень много вѣрнаго, а то, что въ нихъ невѣрно,—т.-е. лучше сказать, односторонне,—объясняется точкой зрѣнія идеализма, которой онъ держался по примѣру своего учителя въ философіи, Гегеля. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ разстался съ идеализмомъ, сблизился съ матеріализмомъ Фейербаха и видѣлъ послѣднюю инстанцію для критики уже не въ развитіи абсолютной идеи, а въ развитіи общественныхъ классовъ и классовыхъ отношеній. Отъ этого новаго и въ высшей степени плодотворнаго направленія, тождественнаго съ тѣмъ направленіемъ, въ которомъ развивалась философская мысль современной ему передовой Германіи, критика Бѣлинскаго отклонялась только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ покидалъ точку зрѣнія діалектической философіи и становился на точку зрѣнія пропагандиста отвлеченныхъ „просвѣтительныхъ“ идей (Standpunkt des Aufklärers, какъ сказалъ бы нѣмецъ). Такія отклоненія, неизбѣжныя при тогдашнихъ условіяхъ, сдѣлали его родоначальникомъ русскихъ „просвѣтителей“, какими были наши передовые критики 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Надо прибавить, что материализм Фейербаха не только не препятствовал таким отклонениям, но чрезвычайно способствовал им: в своих исторических и общественных взглядах материалист Фейербах, — подобно французским материалистам XVIII вѣка, — оставался идеалистомъ. Вотъ почему, самый выдающийся изъ нашихъ „просвѣтителей“ 60-хъ годовъ, Н. Г. Чернышевскій, твердо держался Фейербахова материализма, не переставая, въ то же время, смотрѣть на общественную жизнь съ идеалистической точки зрѣнія.

Три первые акта умственной драмы Бѣлинскаго можно озаглавить такъ: 1) абстрактный идеаль и фиктсанство, 2) примиреніе съ „дѣйствительностью“ подъ влияніемъ „абсолютныхъ“ выводовъ Гегелевой философіи; 3) возстаніе противъ „дѣйствительности“ и переходъ частью на отвлеченную точку зрѣнія „личности“, частью на конкретную точку зрѣнія Гегелевой діалектики.

Четвертый актъ этой драмы начался полнымъ разрывомъ съ идеализмомъ и переходомъ на материалистическую точку зрѣнія Фейербаха. Но рука смерти опустила занавѣсъ послѣ первыхъ же сценъ этого акта.

Бѣлинскій говорилъ о себѣ, что онъ рожденъ не литературнымъ критикомъ, а политическимъ памфлетистомъ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ рожденъ философомъ и социологомъ, обладавшимъ при этомъ всѣми данными, необходимыми для того, чтобы стать превосходнымъ критикомъ и блестящимъ публицистомъ. Какъ великъ былъ его талантъ памфлетиста, показываетъ его знаменитое письмо къ Гоголю. Мы предполагаемъ его извѣстнымъ читателю и потому не станемъ дѣлать изъ него выписки; вмѣсто этого мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ его напечатанной въ „Современникѣ“ 1847 г. статьи о той же книгѣ, появленіе которой подало поводъ Бѣлинскому написать Гоголю свое письмо. Заканчивая эту статью, Бѣлинскій говоритъ: „Мы вывели изъ этой книги такое слѣдствіе, что горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возвращеніе на прежнюю дорогу“.

Эти строки напоминаютъ то его положеніе, входящее въ составъ его эстетическаго кодекса, что художникъ мыслить не силлогизмами, а образами, положеніе, изъ котораго слѣдуетъ, что гениальный художникъ можетъ быть подчасъ очень слабымъ мыслителемъ.

Всегда слабый здоровьемъ и въ послѣдніе годы своей жизни страдавшій чахоткою, Бѣлинскій скончался въ Петербургѣ 26 мая 1848 года, въ 6-мъ часу утра.

На кладбище, — всякій знаетъ теперь, что онъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, — его проводили только немногіе друзья. Но къ этимъ друзьямъ, по свидѣтельству Панаева, присоединились три

или четыре неизвѣстныхъ, вдругъ откуда-то взявшихся. Они оставались на кладбищѣ до самаго конца погребенія и наблюдали за всѣмъ происходившимъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Это появленіе „неизвѣстныхъ“ станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что только смерть спасла Бѣлинскаго отъ знакомства съ Дуббельтомъ, тогдашнимъ начальникомъ „III отдѣленія“. Извѣстна картина Наумова „Бѣлинскій передъ смертью“. Въ ней изображенъ дѣйствительный случай, имѣвшій мѣсто 27-го марта, когда на квартиру умиравшаго критика явился жандармъ съ приглашеніемъ отъ Дуббелята.

Когда у друзей Бѣлинскаго явилась мысль разыграть въ лотерею его библіотеку, чтобъ притти на помощь его женѣ и дочери, оставшимся безъ всякихъ средствъ, то это было запрещено названнымъ „отдѣленіемъ“.

Крайне нервный и искренній, Бѣлинскій не скрывалъ своихъ убѣжденій ни тогда, когда мирился съ „россійской дѣйствительностью“, ни тогда, когда возставалъ противъ нея. Укажемъ два случая, очень хорошо его характеризующихъ. Первый случай относится къ эпохѣ „примиренія“ и рассказанъ Панаевымъ. Когда Бѣлинскій прочиталъ ему рукопись своей статьи о бородинской годовщинѣ, Панаевъ похвалилъ статью, но хотѣлъ поставить ему на видъ, какое впечатлѣніе она произведетъ на читателя. Бѣлинскій перебилъ его: „Я знаю, знаю что,—не договаривайте; меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ. Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали...“

„Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ!.. Мнѣ легче умереть съ голода,—я и безъ того рискую этакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унижить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя...“

Другой случай рассказанъ Герценомъ и относится къ послѣднему періоду жизни Бѣлинскаго.

Дѣло было на вечеринкѣ у одного литератора. Рѣчь шла о философическомъ письмѣ Чаадаева, при чемъ одинъ магистръ находилъ, что Чаадаевъ потерпѣлъ по заслугамъ. Присутствовавшій на вечеринкѣ Герценъ возражалъ магистру. Но споръ тянулся довольно вяло до тѣхъ поръ, пока въ него не вмѣшался Бѣлинскій, рѣзко и рѣшительно ставшій на сторону Чаадаева. Замѣчательнѣе всего былъ конецъ спора.

„Въ образованныхъ странахъ,—сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ магистръ, есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ, оскорбляющихъ то, что цѣлый народъ чтитъ... и прекрасно дѣлаютъ.“

„Бѣлинскій выросъ, онъ былъ страшенъ, великъ въ эту минуту; скрестивъ на больной груди руки и глядя прямо на магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

„А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, которой казнятъ тѣхъ, которые находятъ это прекраснымъ.

„Сказавши это, онъ бросился въ кресло изнеможенный и замолчалъ. При словѣ гильотина хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обезпокоились, сдѣлалась пауза. Магистръ былъ уничтожень“...

Таковъ былъ „неистовый Виссаріонъ“.

„Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развилась она,—писалъ Н. А. Добролюбовъ въ 4-й книжкѣ „Современника“ за 1859 г.,—Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеніемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознаетъ, что значительной частью своего развитія обязанъ непосредственно, или посредственно, Бѣлинскому... Въ литературныхъ кружкахъ едва ли найдется пять—шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя. Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому гениальному человѣку, и, конечно,—это лучшіе люди Россіи“.

Эти строки показываютъ намъ, какъ относились къ Бѣлинскому наиболѣе передовые дѣятели нашей литературы 60-ыхъ годовъ. Но мы не рѣшились бы сказать, что они заключаютъ въ себѣ совершенно правильную оцѣнку значенія Бѣлинскаго. Въ нихъ кое-что недостаетъ. При всемъ своемъ энтузіазмѣ въ отношеніи къ Бѣлинскому Чернышевскій, Добролюбовъ и ихъ единомышленники не были въ состояніи оцѣнить во всей ея полнотѣ роль Бѣлинскаго въ исторіи нашей общественной мысли. Имъ мѣшала въ этомъ случаѣ отсталость современныхъ имъ общественныхъ отношеній Россіи. Только тогда, когда развитіе этихъ отношеній значительно подвинулось впередъ; только тогда, когда сама жизнь свела на конкретную,—т.-е. экономическую,—почву великій споръ между славянофилами и западниками о томъ, по какой исторической дорогѣ суждено идти нашему отечеству,—только тогда явилась, наконецъ, возможность дать всестороннюю оцѣнку литературной дѣятельности Бѣлинскаго. Только тогда стало ясно, что Бѣлинскій былъ не только въ высшей степени благороднымъ человѣкомъ, великимъ критикомъ художественныхъ произведеній и въ высшей степени чуткимъ публицистомъ, но также обнаружилъ изумительную проницательность въ постановкѣ,—если не въ рѣшеніи,—самыхъ глубокихъ и самыхъ важныхъ вопросовъ нашего общественнаго развитія. А когда стало яснымъ это обстоятельство, тогда само собой выяснилось и то, что уже недостаточно сказать о Бѣлинскомъ: „до сихъ поръ вліяніе его литературной дѣятельности чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго“; тогда стало очевидно, что къ этому необходимо прибавить, что и до сихъ поръ каждый новый шагъ впередъ, дѣлаемый нашей общественной

мыслью, является новымъ вкладомъ для рѣшенія тѣхъ основныхъ вопросовъ общественнаго развитія, наличность которыхъ открылъ Бѣлинскій чутьемъ гениальнаго социолога, но которые не могли быть рѣшены имъ вслѣдствіе крайней отсталости современной ему російской „дѣйствительности“. Только при этой необходимой поправкѣ становится полной и всесторонней сдѣланная Добролюбовымъ оцѣнка литературной дѣятельности Бѣлинскаго.

2.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.

(1822—1864).

Н. О. Лернера.

Связь съ національностью, съ родной почвой никогда не бываетъ ни въ чѣмъ творчествѣ случайнымъ, незначимымъ моментомъ, какъ бы далеко и даже преднамѣренно ни уходилъ писатель отъ нея въ область общемирового и надвременнаго, —но трудно назвать въ литературѣ дѣятеля, въ которомъ эта связь была бы крѣпче и сильнѣе, чѣмъ въ Григорьевѣ. Изъ русскихъ перерусскій, онъ сидѣлъ въ родной почвѣ глубоко уходящими въ нее корнями. Какъ Антей, онъ набирался неслыханной мощи отъ прикосновенія къ ней, потому что только ее и любилъ, и въ этомъ была его сила, —и какъ Святогоръ-богатырь по поясъ уходилъ въ нее, и въ этомъ была его слабость. И слабость превозмогла и сокрушила силу.

Въ крови Григорьева не было ни капли чуждой, инородческой примѣси. По отцу онъ происходилъ изъ „колокольнаго дворянства“, а великорусское духовенство извѣстно чистотою своей крови; по матери —изъ вольноотпущенныхъ крестьянъ. Родился онъ и первую половину своей жизни безвыѣздно прожилъ въ Москвѣ и, типичный москвичъ, навсегда полюбилъ родной городъ со всѣмъ его бытовымъ укладомъ и своеобразнымъ старорусскимъ колоритомъ. „Мнѣ, —говорилъ онъ, —старый соборъ нуженъ, старые образа въ окладахъ, съ сумрачными ликами, слѣды исторіи нужны, нравы нужны, хоть, пожалуй, и жестокіе, да типическіе“... Флорентійскій карнаваль напомнилъ ему русскую масляницу, —„нашъ добрый, умный и широкій народъ съ загулами, запоями, колоссальнымъ распутствомъ... Въ памяти моей оживала зимняя вьюга, Новинское, остроуміе разговора фабричныхъ съ паяцами, самокаты, пѣсни моей родины, погребки, въ которыхъ мы съ *** проводили ночи, онъ —въ пьянствѣ и развратѣ, я —въ пѣсняхъ и развратѣ, —и я былъ правъ. Во всемъ этомъ ужасномъ безобразіи даровитаго и могучаго, свѣжаго племени го-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (1801—1825).

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Предисловіе	1	Классовый характеръ либеральнаго теченія и экономическія причины поворота въ настроеніи общества . . .	19
ГЛАВА I.		Реакція и ея проявленіе, Аракчеевъ и Голицынь	21
Эпоха Александра I.		Вліяніе западно-европейской реакціи, іезуиты, успѣхи католицизма и смѣна его мистицизмомъ	22
<i>Историческій очеркъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.</i>		Лабзинъ, Татаринова	23
Общественный подъемъ въ началѣ царствованія	5	Крюднеръ	24
Первые указы Александра	6	Массонство	25
Либерально-бюрократическое (ближайшіе друзья Александра) и конституціонно-аристократическое (Екатерининскіе „старикъ“) теченія	7	Поворотъ отъ мистики и массонства къ господствующей церкви	26
Записка о правахъ Сената	8	Библейское общество и его эволюція	27
Проектъ „всемилоствѣйшей грамоты русскому народу жалуемой“	9	Борьба съ просвѣщеніемъ, гоненія на школы, университеты и печать	28
Отношеніе ближайшихъ друзей Александра къ проекту Сената и сохраненіе за правительствомъ „свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ“	10	Основаніе министерства духовныхъ дѣлъ и ученаго комитета и ихъ дѣятельность	28
Указъ о правахъ Сената и объ учрежденіи министерствъ и сведеніе исполнительной и контролирующей функций Сената къ нулю и превращеніе министровъ въ абсолютныхъ хозяевъ въ своей области	11	Магницкій	29
Устраненіе какъ членовъ негласнаго комитета, такъ и „стариковъ“	13	Цензурный уставъ 1802 г., указы 1811 г. объ „обузданіи печати“	31
Сперанскій, его критика самодержавія и проектъ конституціи	14	Борьба Аракчеева, Магницкаго и Фотія съ Голицынымъ	32
Арестъ и ссылка Сперанскаго	16	Шишковъ	33
Разочарованіе одной части общества и поворотъ въ настроеніи другой	16	Возникновеніе тайныхъ обществъ	33
Записка Карамзина	17	„Союзъ спасенія“ и „Союзъ благоденствія“	35
Война 1812 г.	18	Политическая борьба и культурная работа, борьба двухъ этихъ теченій и распаденіе союза въ 1821 г.	36
		Основаніе южнаго общества	36
		Пестель и его планы	37
		Возникновеніе общества соединенныхъ славянъ и объединеніе его съ южнымъ	38
		Сѣверное общество	38

	Стр.
Политическіе идеалы декабристовъ . . .	39
Никита Муравьевъ и его конституція . . .	40
„Русская Правда“ Пестеля	41
14-е декабря и причины его неуспѣха . . .	44

ГЛАВА II.

Публицистика Александровской эпохи.

Н. К. Пиксанова.

Внѣшнія условія дѣятельности журналистовъ	45
Прогрессивное и охранительное направление и классовый характер публицистики	45
Основные вопросы эпохи: конституція, освобожденіе крестьянъ и культурная дѣятельность	46
Три теченія въ вопросѣ о конституціи: консервативное, либерально-аристократическое и демократическое	47
„Вѣстникъ Европы“	47
„Сѣверный Вѣстникъ“	48
„Духъ Журналовъ“	49
„Сынъ Отечества“	51
Ликвидация „безсмысленныхъ мечтаній“	52
Внутренняя противорѣчивость конституціонныхъ мечтаній	52
Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и основной тонъ всѣхъ статей, посвященныхъ ему	52
Карамзинъ	53
„С.-Петербургскій Журналь“, „Духъ Журналовъ“, „Сынъ Отечества“, „Вѣстникъ Европы“	53
Протесты противъ статей Глѣбова и Зубова въ „Трудахъ вольно-экономическаго Общества“	56
Сословно-классовые интересы въ вопросѣ о народномъ образованіи	56
Общая характеристика журналистики эпохи	57

ГЛАВА III.

Литературныя теченія въ Александровскую эпоху.

Прив.-доц. П. Н. Сакулина.

I.

Общія условія литературнаго развитія.	
Преобладающая роль дворянства въ XVIII в., дворянско-классовый характеръ правительственной власти и культуры эпохи	58

	Стр.
Классовыя черты литературы	59
Ростъ интеллигенціи и ея вліяніе на характеръ литературы	60
Вліяніе Запада	61
Литература во второй половинѣ XVIII в.	61
Разложеніе ложно-классицизма, проникновеніе сентиментализма и демократизация содержанія литературы	62
Отсутствіе устойчивыхъ теченій въ литературѣ Екатерининской эпохи	62
Общая характеристика эпохи Александра I	63
Преобладаніе литературно-художественныхъ интересовъ въ школѣ и обществѣ	64
Общій характеръ литературы Александровской эпохи	66

II.

Литературныя теченія перваго періода.

Появленіе сентиментализма въ русской литературѣ и преобладаніе его въ первомъ періодѣ Александровской эпохи	68
Характерныя черты сентиментализма на Западѣ	69
Особенности русскаго сентиментализма	70
Школа Карамзина и Жуковского	70
Борьба карамзинистовъ съ А. С. Шишковымъ и его послѣдователями за реформу языка	80
Ложноклассики въ Александровскую эпоху и борьба ихъ съ сентиментализмомъ	83
Кружокъ А. Н. Оленина	86
Неоклассицизмъ	87
В. А. Озеровъ	89
А. А. Шаховской	90
А. О. Мерзляковъ	90
К. Н. Батюшковъ	91
Основаніе Арзамаса	96
Итоги перваго періода	97

III.

Второй періодъ. Общественные мотивы въ литературѣ.

Сближеніе литературы и жизни	97
Наполеоновская эпопея и ея отраженіе въ литературѣ	98
Возрожденіе „русскаго стиля“, интереса къ русской старинѣ и сближеніе	

	Стр.
сь литературой родственных славянских народов	100
Обличительно - патриотическая литература	102
Сословно - патриотическая публицистика	103
И. П. Пнинъ	104
Либеральная публицистика	105
Байронизмъ	107
Писатели-декабристы	108
Зачатки реализма	110

ГЛАВА IV.

Мистическая литература.

А. И. Якимирского.

Мистицизмъ и его сущность	112
Русский мистицизмъ начала XIX в. и его аристократическій характеръ	114
Причины его возникновенія въ Россіи	115
Мистическая литература (журналы и отдѣльныя изданія)	116
„Сіонскій Вѣстникъ“	120
Мистицизмъ и духовенство	121
Архимандритъ Фотій	122
Походъ противъ мистицизма	123

ГЛАВА V.

1.

Н. М. Карамзинъ.

А. И. Якимирского.

Общая характеристика таланта и литературной дѣятельности Карамзина	124
Духовное развитіе Карамзина	126
Карамзинъ, какъ завершитель ортодоксальнаго сентиментализма	128
„Исторія государства Россійскаго“	128
„Письма русскаго путешественника“	129
„Бѣдная Лиза“ и др. беллетристическія произведенія Карамзина	131
Стихотворенія Карамзина	134

2.

В. А. Жуковскій.

Прив.-доц. П. Н. Сакулина.

Субъективный характеръ поэзии Жуковскаго	136
Міросозерцаніе и личность Жуковскаго, ихъ отраженіе въ его творчествѣ	136
Сентиментализмъ, какъ основная черта поэзии Жуковскаго	143
Отношеніе Жуковскаго къ романтизму	144

3.

К. Н. Батюшковъ.

С. А. Венгерова.

Батюшковъ въ первую половину литературной дѣятельности	146
Жизнерадостный эпикуреизмъ	147
Вліяніе на Пушкина	150
Поворотъ въ душевномъ настроеніи Батюшкова	151
Проза Батюшкова	154
Его взглядъ на поэзію	155

4.

И. И. Козловъ.

Ю. И. Айхенвальда.

Слѣпота, какъ центръ его творчества	156
Семейственность	158
Тишина внутренняго міра и покорность слѣпой судьбѣ	159
Моментъ баллады	162

5.

А. И. Одоевскій.

Ю. И. Айхенвальда.

Поэзія темноты	163
Психологія оторваннаго отъ жизни	165
Воспоминаніе, его чары и его тяжесть	166
Романтика царя и власти въ своеобразномъ сочетаніи съ духомъ декабризма	167
Одоевскій, какъ пѣвецъ Василья ослѣпленнаго	168

6.

К. О. Рылѣевъ.

Г. В. Балицкаго.

Выступленіе Рылѣева въ литературѣ	169
Любовь къ родинѣ и борьба за гражданскую свободу	171
„Думы“ Рылѣева	172
Бодрость и вѣра въ конечное торжество права и закона	173
Слово и дѣло въ жизни Рылѣева	174

7.

И. А. Крыловъ.

В. В. Калаша.

Первые литературные опыты Крылова	174
Подчиненіе вліянію ложно-классицизма	175
Крыловъ-журналистъ	176
Разгромъ журналовъ въ 1793 г. и вліяніе его на всю жизнь Крылова	178

	<i>Стр.</i>
Періодъ странствій и приживальства	179
Возвращеніе въ Петербургъ	180
Послѣднія пьесы Крылова	181
Вліяніе Оленина	182
Крыловъ-баснописецъ	183

8.

В. Тр. Нарѣжный.

В. В. Калаша.

Біографія Нарѣжнаго	186
Переходный характеръ его литера- турн. дѣятельности	188
Ея начало	189
„Черный годъ или горскіе князья“	189
Культъ старины	190
Возвратъ къ сатирѣ — „Россійскій Жильблазъ“	190

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Эпоха Николая I.

Б. А. Морковича.

Общая характеристика царствованія Николая I	223
Добрыя намѣренія Николая I	224
Противорѣчіе ихъ абсолютизму и со- словно-классовымъ интересамъ	226
Нерѣшительность въ проведеніи ре- формъ и настойчивость въ прове- деніи мѣръ для укрѣпленія абсолю- тизма	231
Тѣсный союзъ съ дворянствомъ и за- щита его интересовъ	232
Отношеніе къ чиновничеству	233
Борьба съ крамолой	234
Цензура	236
Итоги царствованія	242

ГЛАВА II.

**Общественныя и умственные те-
ченія 30-хъ гг. и ихъ отраженіе
въ литературѣ.**

Р. В. Иванова-Разумника.

Общая характеристика эпохи	247
Связь 30-хъ гг. съ 20-ми гг.	248
Шеллингянство 20-хъ гг.	249
„Общество любомудрія“	252
Вліяніе любомудровъ на Пушкина	256
Шеллингянство, какъ связь между 20-ми и 30-ми гг.	258
Кружки Герцена и Станкевича	259
Кружокъ Станкевича	260

Стр.

„Новыя повѣсти“	191
„Аристѣонъ“, „Бурсакъ“, „Два Ивана“	192

ГЛАВА VI.

А. С. Грибоѣдовъ.

Н. К. Пиксанова.

Жизнь Грибоѣдова	196
Значеніе „Горе отъ ума“	198
Политическіе взгляды Грибоѣдова и связь съ декабристами	199
Его націонализмъ	203
Литературный однодумъ	213
Московский театръ	214
Увлеченіе Грибоѣдова театромъ и пер- вые опыты для сцены	215
„Горе отъ ума“	216

Главенство чувства и искусства	262
Шеллингянство 30-хъ гг.	263
Фихтеанство	266
Гегельянство	267
Преклоненіе передъ дѣйствительностью	269
Сліяніе кружковъ Станкевича и Гер- цена	270
Причины преобладанія умозрительна- го теченія надъ политическимъ въ 30-хъ гг.	271
Кружки Критскихъ и Сунгурова	272
Кружокъ Герцена	273
Утопическій социализмъ	274
Итоги 30-хъ гг.	275

ГЛАВА III.

**Литературныя теченія и литера-
турная критика 30-хъ гг. и ихъ
отраженіе въ литературѣ.**

Проф. И. И. Замотина.

Общій характеръ литературы 30-хъ гг.	276
Западно-европейскій романтизмъ	277
Усвоеніе его русской литературой съ начала XIX в.	282
Характеръ романтическаго идеализма на русской общественно-литератур- ной почвѣ	284
Романтизмъ въ поэзіи Жуковского, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. современныхъ имъ поэтовъ	286
А. А. Бестужевъ (Марлинскій), какъ вы- разитель романтическаго идеализма	288
М. Н. Загоскинъ, какъ выразитель ро- мантическаго націонализма	292

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Кп. В. Ѳ. Одоевскій — выразитель романтическаго универсализма	296	лизма въ критикѣ В. Г. Бѣлинскаго 30-хъ годовъ	325
Художественный реализмъ въ литературѣ 30-хъ гг.	300	Введеніе имъ въ область художественнаго реализма понятія о натуралистическомъ творчествѣ	327
А. С. Пушкинъ	302	Гегельянство Бѣлинскаго въ концѣ 30-хъ годовъ и вліяніе философіи Гегеля на окончательную формулу понятія художественнаго реализма въ его критикѣ	328
М. Ю. Лермонтовъ	306	Журнальная оппозиція 30-хъ годовъ противъ прогрессивныхъ литературныхъ теорій Надеждина и Бѣлинскаго	328
Е. А. Баратынскій, Н. М. Языковъ, А. И. Полежаевъ, А. В. Кольцовъ и др.	307		
Н. В. Гоголь	307		
Развитіе общественнаго направленія въ русской художественной литературѣ 30-хъ гг.	309		
Западно-европейскіе источники его и русскіе выразители	310		
Связь литературной критики 30-хъ гг. съ основными литературными теченіями десятилѣтія	312		
Литературная теорія 20-хъ гг. и ея представители: О. Сомовъ, А. И. Галичъ, Д. В. Веневитиновъ, „любомудры“ и „Мнемозина“	312		
Поэтика „Московского Вѣстника“ и „Московского Телеграфа“ и связь ихъ съ иностранной романтической критикой	313		
Синтезъ противъ литературной теоріи романтизма въ „антиромантической“ критикѣ „Вѣстника Европы“ и др. журналовъ	316		
Развитіе теоріи художественнаго реализма въ русской критикѣ 30-хъ гг.; „Телескопъ“ Н. И. Надеждина	317		
Выработка синтеза между классицизмомъ и романтизмомъ и понятія „новой“ художественно-реальной поэзіи	317		
Основные элементы понятія „новой поэзіи“, ея задачи и средства	318		
Вопросъ о „новой поэзіи“ въ другихъ журналахъ 30-хъ годовъ — „Сынъ Отечества“ и „Сѣверномъ Архивѣ“ и въ „Литературной Газетѣ“	323		
Истолкованіе художественнаго ре-			

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (1825—1855).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

ГЛАВА V.			
П. Я. Чаадаевъ.			
Н. О. Лернера.			
Наслѣдіе Чаадаева	1	Взглядъ на Россію	7
Общая характеристика его	2	Вселенская Церковь	9
Соціальный мистицизмъ	4	Появленіе „философическаго письма“ въ „Телескопѣ“ и впечатлѣніе, произведенное имъ	10
Исторіософія Чаадаева	6	Перемена во взглядахъ Чаадаева на Россію	12
		Послѣдніе годы Чаадаева	13

ГЛАВА VI.

М. Ю. Лермонтовъ.

К. И. Арабажина.

Родъ Лермонтовыхъ	15
Вліяніе ранней смерти матери	16
Первые литературные опыты	17
Университетскіе годы. Увлеченіе Байрономъ	19
Жизнь въ Петербургѣ	22
Славянофильскія настроенія	23
Смерть Пушкина, реакція Лермонтова, переводъ на Кавказъ	24
Возвращеніе въ Петербургъ, свѣтская жизнь, вторая ссылка	25
Жизнь въ Пятигорскѣ, смерть	30
Поэзія Лермонтова	30
Родство съ Байрономъ	31
„Нищешанство“	32
Эготизмъ Лермонтова	33
Радинъ	33
„Измаиль-бей“	34
Демонъ	35
Печоринъ	37
Взглядъ на поэзію	41
Общественно-литературное значеніе Лермонтова	42

ГЛАВА VII.

1. Д. В. Веневитиновъ. <i>Ю. И. Айхенвальда</i>	43
2. Е. А. Баратынскій. <i>Ө. Д. Батюшкова</i>	47
3. А. И. Полежаевъ. <i>Ю. И. Айхенвальда</i>	54
4. Н. М. Языковъ. <i>Ю. И. Айхенвальда</i>	58
5. В. Г. Бенедиктовъ. <i>Ю. И. Айхенвальда</i>	62

ГЛАВА VIII.

Сороковые годы XIX в.

Ч. Вѣтринскаго (Вас. Е. Чешихина).

Общая характеристика эпохи	66
--------------------------------------	----

I.

Умственное и общественное движеніе сороковыхъ гг.

1.

Школа и университетъ	67
Роль университетовъ	72
„Народъ“, какъ центръ научнаго интереса	76

2.

Апологеты уваровской троицы	77
„Официальная народность“	81

3.

Оппозиція уваровской троицы	85
Западники	86
Славянофилы	98
Борьба западничества и славянофильства	107
Поворотъ въ отношеніяхъ западниковъ къ народу	111
Крѣпостное право	112
Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю	113
Отношеніе къ общинѣ	114
„Молодая редакция“ Москвитянина	116
Роль славянофильства	117

4.

Соціальная основа западничества и славянофильства	118
Нарожденіе новаго реалистическаго міросозерцанія	119
Разслоеніе западничества	120
Соціальный вопросъ	123
Петрашевцы	125
Кружокъ Введенскаго	126
Интересъ къ росту промышленныхъ силъ	128
Начало дѣятельности Герцена въ Лондонѣ	130

II.

Литературное и критическое движеніе сороковыхъ-пятидесятихъ годовъ.

1.

Эпигоны романтизма	131
Борьба съ романтизмомъ и утвержденіе начала художественнаго реализма въ критикѣ и литературѣ	134
Вліяніе и дѣятельность Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Гоголя въ 40-хъ гг.	140

2.

Вліяніе западной литературы	150
„Натуральная школа“	152
Отрицательное отношеніе къ русской дѣятельности	153
Типъ Печорина	157
„Лишніе люди“	159
Положительные типы	162
Женскій вопросъ	167
Народъ	169

	Стр.
3.	
Новыя теченія въ критикѣ. (В. Майковъ)	173
А. В. Дружининъ	176
П. В. Анненковъ	177
„Молодая редакція“ Москвитянина	178
А. Ф. Писемскій	179
А. Н. Островскій	180
А. А. Потѣхинъ	182
А. Григорьевъ	183

4.	
Лирика 40—50 гг.	186

Пушкинская школа.

Ө. И. Тютчевъ	188
Аполлонъ Майковъ	191
Фетъ—Шеншинъ	192
Я. П. Полонскій	193
Щербина	194

Лермонтовская школа.

Тургеневъ	194
Огаревъ	196
А. Н. Плещеевъ	197
Иванъ Аксаковъ	198
Некрасовъ	200
Патріотическая лирика	201
Кузьма Прутковъ	202

ГЛАВА IX.

1. А. И. Герценъ (до отъѣзда за-границу). *Ч. Витринскаго* (В. Е. Чешинкина) 204
2. Н. П. Огаревъ. *Н. М. Мендельсона*. 217

ГЛАВА X.

1.

В. Г. Бѣлинскій.

Г. В. Плеханова.

Общая характеристика и биографія	227
Философія Гегеля	231
Первый періодъ философскаго развитія Бѣлинскаго (фихтеанство его)	234
Второй періодъ (разрывъ съ Фихте и увлеченіе Гегелемъ)	237
Примиреніе съ дѣйствительностью	240
Третій періодъ (разрывъ съ дѣйствительностью во имя идеала)	243
Отношеніе къ утопическому социализму и новый взглядъ его на развитіе Россіи	246

Эволюція эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго	249
Эстетическій кодексъ Бѣлинскаго	259
Переходъ на матеріалистическую точку зрѣнія Фейербаха	264
Личность Бѣлинскаго и оцѣнка его литературной дѣятельности	267

2.

А. А. Григорьевъ.

Н. О. Лернера.

Общая характеристика	269
Философскія воззрѣнія	272
Эстетическая теорія	273
Отношеніе къ современной литературѣ	276

ГЛАВА XI.

Н. В. Гоголь.

Н. И. Коробка.

Начало литературной дѣятельности	280
Петербургскій періодъ и влияніе Пушкина	288
Повѣсти изъ помѣщичьяго быта	291
Петербургскія повѣсти. Вопросъ объ искусствѣ	296
Комедіи Гоголя	302
Гоголь въ 1836—41 годахъ	308
„Мертвыя души“	312
Гоголь въ 1842—47 гг.	320
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“	324
Гоголь съ 1847 г. до смерти	329

ГЛАВА XII.

1. С. Т. Аксаковъ. *В. О. Садовника* . 332
2. Д. В. Григоровичъ. *Н. Т. Бродскаго*. 341
3. А. В. Кольцовъ. *В. В. Калаша* . 353
4. Т. Г. Шевченко. *С. Ө. Русовой* . 362

ГЛАВА XIII.

Очеркъ исторіи журналистики за первую половину XIX вѣка.

Проф. И. И. Заматина.

Общая характеристика журналовъ	374
Неустойчивость ихъ и ея причины	376
Журналистика первой четверти вѣка	381
Журналы прогрессивнаго направленія („С-Петербургскій Журналь“, „Сѣверная Почта“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Духъ Журналовъ“)	381

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Журналы охранительнаго направленія („Русскій Вѣстникъ“, „Сынъ Отечества“)	383	„Вѣстникъ Европы“, „Атеней“, „Галатей“, „Телескопъ“	392
Масонскіе журналы	385	Попытка возрожденія публицистическаго характера журналовъ („Европеецъ“, „Московскій Наблюдатель“)	393
Журналы чисто литературнаго характера	386	Журнальный триумvirатъ Булгарина, Греча и Сенковского	393
„Вѣстникъ Европы“	388	Оживленіе общественной тенденціи въ журналахъ 40-хъ гг.	394
Ослабленіе публицистической струи въ журналистикѣ 20-хъ и 30-хъ гг.	389	„Москвитянинъ“, „Маякъ“	394
Альманахъ („Полярная звѣзда“ и „Мнемозина“)	389	„Отечественныя Записки“ и „Современникъ“	396
„Московскій Телеграфъ“	390		
„Московскій Вѣстникъ“	391		
„Литературная Газета“ и „Современникъ“	391	Библиографія	398